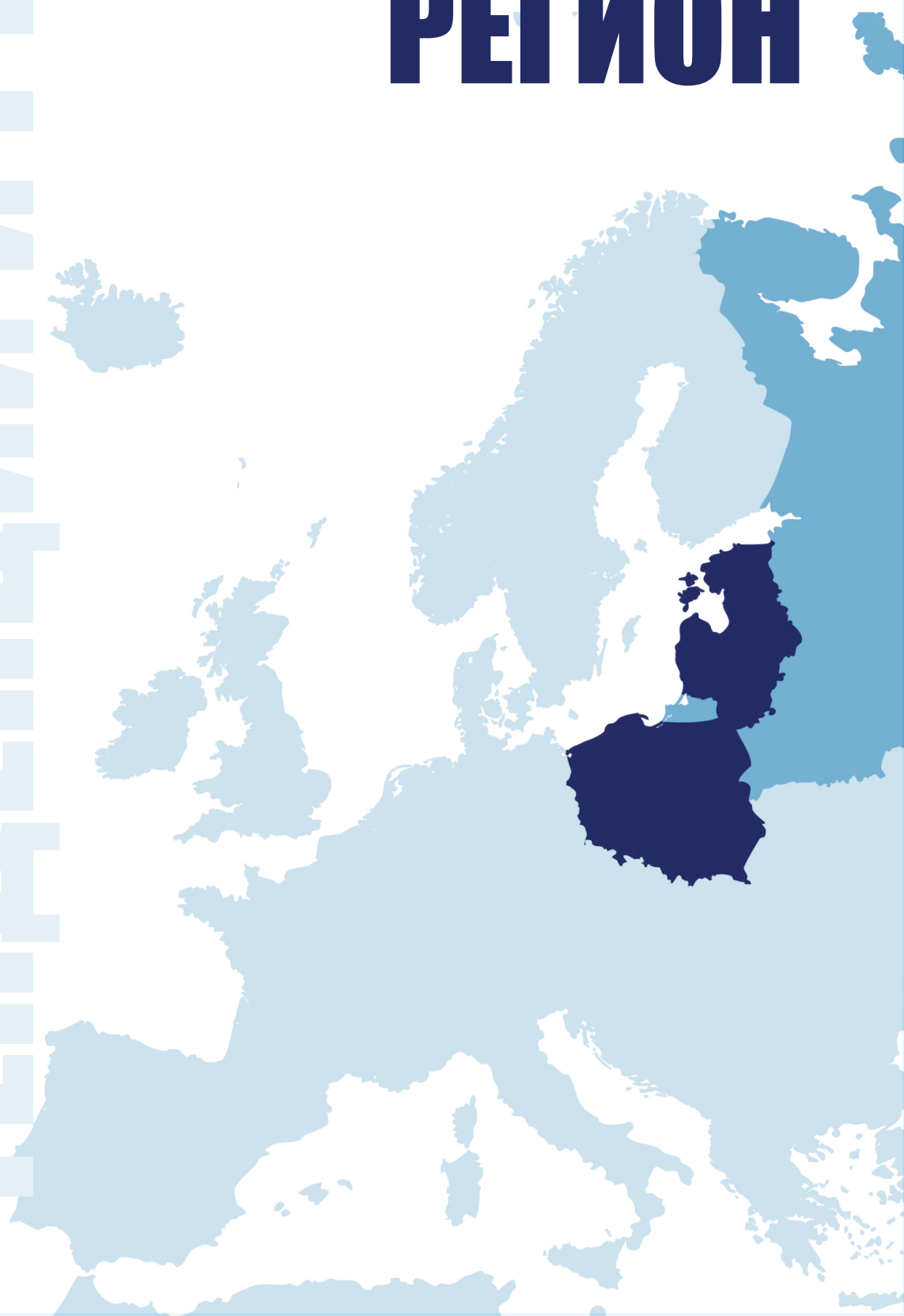

Институт мировой экономики и
международных отношений
им. Е.М. Примакова РАН

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

ТЕНДЕНЦИИ И РИСКИ
ТЕНДЕНЦИИ И РИСКИ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
ИМЕНИ Е.М. ПРИМАКОВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН:
ТЕНДЕНЦИИ И РИСКИ В СФЕРЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
И МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Москва, 2026 г.

Балтийский регион: тенденции и риски в сфере социально-экономического развития и международной безопасности. Доклад ИМЭМО РАН. М., 2026 г. – 47 стр.

*Доклад подготовлен в рамках участия ИМЭМО РАН в инициативе
«Балтийская платформа»*

Авторский коллектив: Ф.Г. Войтоловский, П.А. Гудев, И.И. Жуковский, С.В. Кислицын, И.А. Крамник, В.А. Кулаковская, Д.В. Офицеров-Бельский, М.С. Павлова, А.С. Четверикова.

Ответственные редакторы:
Ф.Г. Войтоловский, С.В. Кислицын

Верстка и оформление:
А.А. Вернигора, К.А. Карасик, Ж.Д. Оглоблина

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <https://www.imemo.ru/>

Доклад посвящен основным тенденциям экономического и социально-политического развития прибалтийских стран, динамике международного положения в Балтийском регионе, а также рискам в сфере региональной безопасности. В центре исследования – Польша, Латвия, Литва и Эстония, приоритеты внутренней и внешней политики этих стран, их идейно-политическое развитие, отношения друг с другом, с иными странами региона и внерегиональными государствами, участие в межгосударственных интеграционных объединениях (ЕС и НАТО).

The report is focused on main trends in economic, social and political development of the Baltic countries, dynamics of the international situation in the Baltic region, as well as regional security trends and risks. It covers economic systems of Poland, Latvia, Lithuania and Estonia, the priorities of domestic and foreign policy of these countries, their ideological and political dynamics, relations with each other, and with other countries of the region and non-regional actors, participation in integration bodies (EU, NATO).

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 5

1 Тенденции экономического развития 8

- Экономическая динамика региона и страновые особенности 8
- Инфраструктура, коммуникационная и транзитная роль региона 13
- Экология Балтийского моря и вопросы устойчивого развития 17
- Система внешнеэкономических связей 20

2 Общество, история, идеи 29

- Внутриполитические тенденции в Польше и прибалтийских странах 29
- Политика памяти и идентичности 32

3 Международная и военно-политическая ситуация в Балтийском регионе 35

- Внешняя политика стран региона: приоритеты и стратегии 35
- Правовые проблемы осуществления хозяйственной деятельности на Балтике 37
- Военно-политические тенденции и риски для региональной безопасности 42
- Активность НАТО в регионе 44

Заключение 45

Введение

Доклад подготовлен в рамках реализации инициативы «Балтийская платформа», выдвинутой еще в 2023 г. академиком РАН президентом ИМЭМО РАН А.А. Дынкиным и ректором МГИМО МИД РФ академиком РАН А.В. Торкуновым и посвящен комплексному анализу проблем экономики, социально-политического развития и безопасности Балтийского региона.

«Балтийская платформа» – многосторонний некоммерческий и негосударственный научный и экспертно-коммуникативный проект, нацеленный на осмысление и обсуждение долгосрочных тенденций и перспектив развития большого Балтийского региона, а также отношений между входящими в него странами, включая Россию. Инициатива «Балтийская платформа» реализуется при участии ИМЭМО РАН, Института Европы РАН, МГИМО МИД, СПбГУ, БФУ имени И.Канта, НГУ имени Ярослава Мудрого и других научных и образовательных центров. У нее нет специализированного финансирования, кроме основных средств обеспечения научных исследований, которыми располагают организации-участницы, но у всех заинтересованных в проекте научных институтов и университетов есть общее желание консолидировать усилия для понимания текущих процессов в регионе и получения прогнозных оценок их дальнейшего развития. Участники инициативы рассчитывают, что со временем к ней смогут присоединиться научные и образовательные организации, ученые из других стран региона и в формате свободной научной дискуссии принять участие в обсуждении общих для всех рисков, возможностей и сценариев развития международных отношений на Балтике. За три года под эгидой «Балтийской платформы» уже прошло несколько научных конференций, опубликован ряд научных статей. Представленный доклад – первая в рамках инициативы коллективная научная работа.

Этот доклад – российский взгляд на развитие некоторых стран Балтики, причем тех, отношения с которыми на протяжении последних лет развиваются особенно не просто. Основное внимание уделено Польше, Латвии, Литве, Эстонии.

Целью исследования было по мере возможностей объективно изучить внутренние и внешние факторы, влияющие на социально-экономическое развитие этих стран, их отношения друг с другом, с другими странами региона и с внерегиональными державами. Авторы доклада сознательно не стали заострять внимание на болевых точках взаимоотношений этих стран с Россией, о которых и без того много сказано и написано, однако, они отнюдь не стремились, да и не могли, абстрагироваться от существующих проблем международной напряженности, которая, к сожалению, продолжает сохраняться и периодически нарастает.

Экономическое развитие Балтийского региона определяется сложным переплетением и подчас – противоречиями между ключевыми факторами: разнонаправленной экономической динамикой отдельных стран, превалированием военно-политических интересов над экономической целесообразностью, продолжающейся перестройкой внешнеэкономических связей и хронической неэффективностью механизмов экологического регулирования на фоне высокой антропогенной нагрузки.

Внешнеэкономические связи стран региона также характеризуются выраженной асимметрией. Польша, будучи крупнейшим региональным игроком, обладает высокой диверсификацией торговых отношений. В свою очередь экономики Латвии, Литвы и Эстонии демонстрируют спад внешней торговли, обусловленный во многом политическими причинами и в первую очередь утратой исторически значимых связей с Россией и Белоруссией. Как следствие – прибалтийские страны становятся все более зависимыми от других региональных партнеров, снижается их потенциал на внешних рынках. Особенно это сказывается на социально-экономическом развитии регионов, граничащих с Россией и Белоруссией.

В предыдущие десятилетия трансграничное сотрудничество носило взаимовыгодный характер. Отношения характеризовались сочетанием двустороннего товарообмена и высокой ролью транзитной и энергетической взаимозависимости. Россия выступала крупным поставщиком энергоносителей, минерального сырья и металлов, что определяло структуру ее экспорта в Польшу и прибалтийские страны. В свою очередь импорт из этих стран включал продукцию машиностроения, химии, пищевой и перерабатывающей промышленности, сельского хозяйства.

Значительная часть белорусского экспорта (в первую очередь калийные удобрения и нефтепродукты) также направлялась через инфраструктуру региона – в том числе литовский порт Клайпеда и железнодорожные сети Латвии и Литвы. Одновременно Белоруссия была важным транзитером российских нефти и нефтепродуктов по трубопроводу «Дружба» в Польшу и далее в Центральную Европу. В совокупности до 2022 г. экономические связи региона с Союзным государством России и Белоруссии формировали модель, в которой прямой товарообмен дополнялся инфраструктурной и энергетической взаимосвязанностью.

Существовавшие связи постепенно ослабевали, что происходило под воздействием санкций,

действующих еще с 2014 г., а также политики диверсификации, проводимой прибалтийскими странами. Однако системная значимость взаимоотношений сохранялась вплоть до начала 2022 г. В дальнейшем внешнеполитическая стратегия стран Балтийского региона была переориентирована на конфронтацию с Россией, а вступление Финляндии и Швеции в НАТО выступило дополнительным стимулом для милитаризации.

Перешла на новый уровень и активность самого Североатлантического альянса в регионе: взамен батальонных групп началось формирование бригадных соединений, оно сопровождается масштабными учениями и наращиванием присутствия внерегиональных сил. Параллельно на Балтике де-факто отрабатываются механизмы по обходу общепринятых норм международного и морского права, направленные на ограничение российского транзита, а также осуществление грузоперевозок под флагами третьих сторон, которые подозреваются в сотрудничестве с Россией и российскими компаниями. Правительства многих стран региона, предпринимая подобные меры, стремятся максимально насолить России. Однако некоторые из них делают это более осмотрительно, нежели застрельщики такой политики, потому что понимают: практики, создаваемые с нарушением норм международного морского права, в дальнейшем могут быть использованы и против третьих сторон, в других регионах мира. Потенциально и на Балтике они несут непрогнозируемые риски.

Большое внимание в докладе уделяется социальным и политическим изменениям, происходящим в странах региона. Ситуация в Польше и прибалтийских странах характеризуется кризисом устоявшихся партийных систем и заметным сдвигом общественных симпатий вправо, на фоне фрагментации политического ландшафта и роста популистских настроений.

Предпринимаются меры по форсированной интеграции русскоязычного меньшинства. В сфере политики памяти наблюдается консолидация антисоветских и националистических нарративов, например, героизация «проклятых солдат» в Польше, культ «лесных братьев» в Прибалтике.

Таким образом, Балтийский регион сталкивается с серьезными вызовами и рисками, которые затрагивают важнейшие аспекты жизнедеятельности: от экологии и экономического развития, до общественных отношений и военно-политической безопасности. Исследование ИМЭМО РАН направлено на комплексное изучение указанных проблем и включает в себя три основных раздела. Первый посвящен анализу экономического развития и торговых связей Польши, Латвии, Литвы и Эстонии. Вторая часть уделяет внимание социально-политическим тенденциям указанных стран. Третий раздел посвящен вопросам международно-правового регулирования отношений в регионе Балтийского моря, тенденциям милитаризации и рискам для региональной безопасности, которые создают препятствия на пути регионального сотрудничества, формирования устойчивых социально-экономических, культурных, научных и гуманитарных связей.

Авторы доклада выражают искреннюю признательность партнерам ИМЭМО РАН из Белорусского института стратегических исследований (БИСИ), с которыми на этапе его подготовки, в ходе двух совместных семинаров в Минске в 2025 г., обсуждались многие положения и некоторые выводы этой работы.

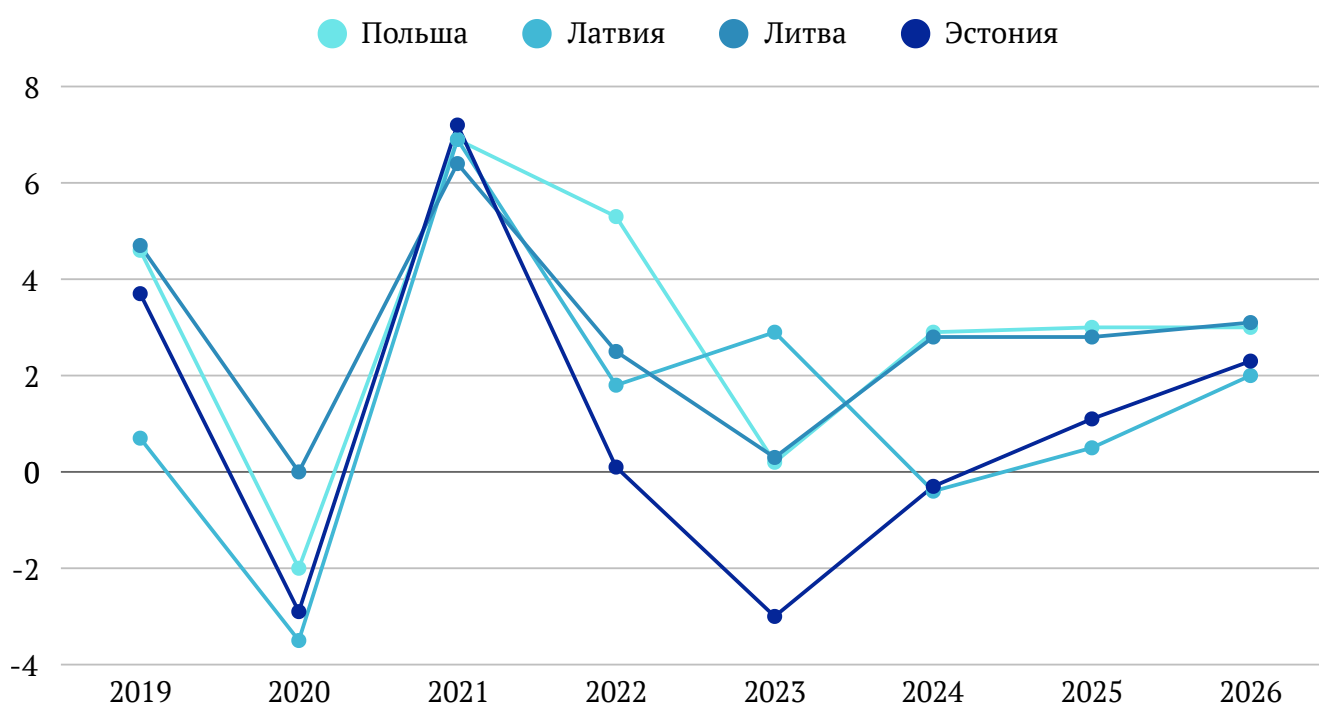
Тенденции экономического развития

1.1. Экономическая динамика региона и страновые особенности

Несмотря на географическую близость, развитые взаимосвязи и членство в Европейском Союзе, экономики Прибалтийских государств и Польши кардинальным образом различны. Латвия, Литва и Эстония являются небольшими открытыми экономиками с относительно узкой специализацией. Они ориентированы друг на друга и своих соседей. В свою очередь Польша — это одна из крупнейших европейских экономик, с емким внутренним рынком и диверсифицированной структурой, сохраняющая собственную валюту, менее интегрированная во внешние связи, отличающаяся стабильностью и, за редким исключением – динамичным экономическим ростом. Но вместе с тем общность региона и сформированные связи обуславливают ряд единых тенденций.

После компенсационного постпандемийного роста в 2021 г. динамика ВВП стран региона находится в рамках нестабильного, но понижательного тренда (рис. 1.1). Снижение экономического роста обусловлено проблемами в ключевых странах-партнерах (Германии, Швеции, Финляндии), санкционными ограничениями против Белоруссии и России, а также собственными внутренними проблемами и размерами самих экономик, в первую очередь прибалтийских. Наихудшее положение характерно для самой маленькой экономики балтийского региона – Эстонии, опирающейся в своем развитии на скандинавский капитал. Можно ожидать что по итогам 2025 г. позитивный тренд станет преобладающим, однако темпы роста, скорее всего, останутся скромными.

Рисунок 1.1. ВВП Польши и стран Прибалтики, темпы ежегодного прироста, с учетом прогноза, %

Источник: Eurostat.

Наибольшей стабильностью отличаются Польша, обладающая наиболее емким внутренним рынком из стран региона, и связанная с ней Литва. В последние годы обе страны сокращают свою вовлеченность во внешнеэкономические связи (табл. 1.1).

Однако текущее лидерство по доле экспорта в ВВП принадлежит Эстонии, которая наряду с Латвией незначительно увеличила данный показатель. Наращивание вовлеченности в мирохозяйственные связи приводит к усилению перетока внешних кризисных явлений в их экономики.

Таблица 1.1. Показатели экономического развития Польши и стран Прибалтики

ПОКАЗАТЕЛЬ	ПОЛЬША		ЛАТВИЯ		ЛИТВА		ЭСТОНИЯ	
	2019	2024	2019	2024	2019	2024	2019	2024
ВВП, млрд евро	885,9	1175,8	40,1	52,2	74,2	100,3	35,0	43,2
Доля экспорта в ВВП, %	52,6	52,3	62,5	64,6	76,8	74,1	72,0	76,3
ВВП/душу, евро	23 345	31 362	20 946	28 031	26 739	34 742	26 435	31 437

Источник: Eurostat.

Структура

Все страны региона продолжают уступать по уровню качества жизни среднеевропейскому. Наихудшее положение в 2024 г. было у Латвии, чей ВВП на душу ниже среднего по ЕС в 1,4 раза. Несмотря на то, что разрывы сокращаются, достижение хотя бы среднеевропейского уровня является отдаленной перспективой для всех стран Прибалтики.

Государства региона возможно отнести к постиндустриальным, но с некоторыми оговорками. В Польше сохраняется повышенная доля первичного и вторичного секторов, в странах Прибалтики – первичного (табл. 1.2). В Латвии, помимо традиционного сельского хозяйства, велико значение лесозаготовок, что предопределяет развитость пищевой и деревообрабатывающей промышленности.

Обе отрасли представлены в Литве и Эстонии, где также значимы металлургия и машиностроение. В Литве к одной из ключевых относится химическая отрасль.

Для Польши характерна более диверсифицированная структура промышленности. Она включает различные подотрасли машиностроения (судостроение, автомобилестроение и пр.), химическую отрасль, металлургию, топливно-энергетический комплекс. Общим для всех стран региона является повышенное значение торговли. Особенно для Литвы, где доля этого сектора превышала 15% ВВП. Также Литва выделяется по доле транспорта в ВВП – более 11%. Еще одной сферой специализации Эстонии и Латвии являются информационные технологии, выбранные властями в качестве нового источника экономического роста.

Таблица 1.2. Структура ВВП Польши и стран Прибалтики, 2024 г., %

ОТРАСЛИ	ПОЛЬША	ЛАТВИЯ	ЛИТВА	ЭСТОНИЯ
Сельское хозяйство, лесное хозяйство, рыболовство	2,9	4,7	2,9	2,2
Промышленность	22,9	15,9	18,7	17,3
Строительство	6,7	6,9	7,4	6,1
Оптовая и розничная торговля, транспорт, деятельность по предоставлению услуг проживания и питания	23,8	20,1	26,8	18,9
Информация и связь	5,0	7,1	5,4	8,5
Финансовая деятельность и страхование	5,3	4,6	4,9	6,5
Операции с недвижимостью и имуществом	6,3	8,7	6,5	10,9
Профессиональная, научная и техническая деятельность; административная деятельность	9,2	8,5	8,2	9,1
Прочее	17,9	23,5	19,2	20,5
Всего	100	100	100	100

Источник: Eurostat.

Безработица

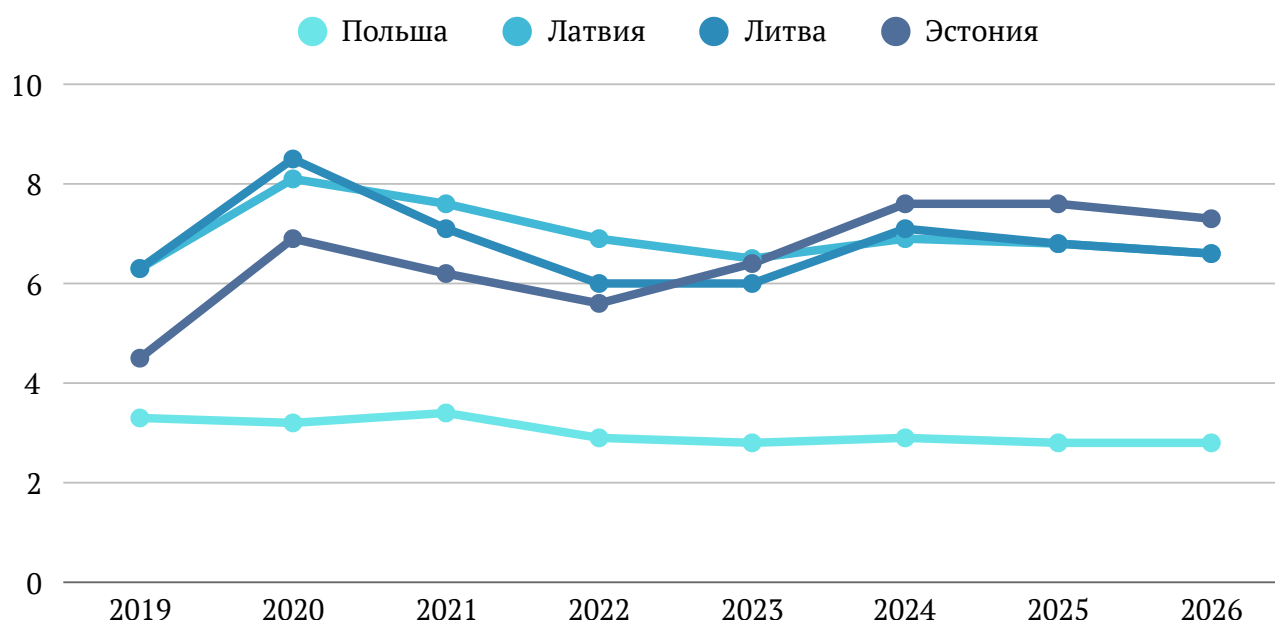
Прибалтийские республики традиционно отличаются повышенными показателями безработицы. Это связано с внутренней экономической ситуацией, демографическими особенностями и реализуемой политикой в отношении рынка труда (рис. 1.2). Ухудшение экономического положения привело к снижению занятости в 2024 г., хотя показатели и не являются критическими для этих государств.

Максимальный уровень безработицы отмечается в Эстонии, внутренний рынок которой не справляется с текущими вызовами. Современные прогнозы свидетельствуют о незначительном улучшении ситуации в ближайшие годы, хотя в целом она останется сложной. В свою очередь Польша сохраняет одни из лучших в ЕС показателей уровня безработицы и это сохранится в дальнейшем.

Инфляция

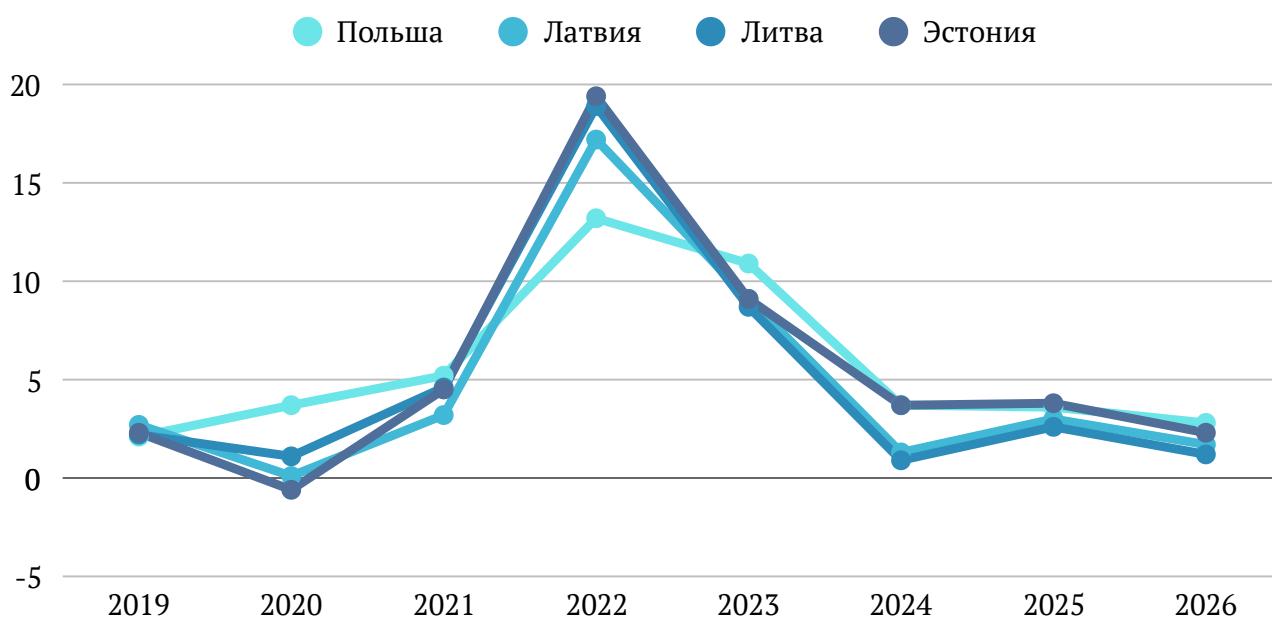
После инфляционного шока 2022–2023 гг. государствам региона удалось справиться с ценовой проблемой (рис. 1.3). Наибольших успехов добились Латвия и Литва, чьи текущие показатели относятся к одним из лучших среди ЕС. Для Польши и Эстонии все еще характерен повышенный уровень инфляции, вызванный ростом цен в третичном секторе, в том числе на продукты питания. Общим для обеих стран является повышение стоимости услуг в здравоохранении, образовании, гостиничном секторе. Для Польши остается чувствительной также энергетика, для Эстонии – транспорт и связь. Тренд на сокращение инфляции в данных странах сохранится, ее уровень в 2026 г. должен составить менее 3%. Вероятно, что Латвии и Литве не удастся избежать небольших всплесков инфляции, в том числе из-за колебания цен в сфере услуг, однако ее уровень будет ниже, чем у соседей по региону.

Рисунок 1.2. Динамика уровня безработицы в Польше и странах Прибалтики, с учетом прогноза, %

Источник: Eurostat.

Рисунок 1.3. Динамика уровня инфляции в Польше и странах Прибалтики, с учетом прогноза, %

Источник: Eurostat.

1.2. Инфраструктура, коммуникационная и транзитная роль региона

Транспортная инфраструктура в странах Балтийского региона находится в кризисном состоянии. В Литве доля транспорта в ВВП упала до 10,9%. Для других государств региона этот показатель находится в пределах 5-7% ВВП.

Основные сложности обусловлены плохим состоянием транспортной сети, медленными темпами ее развития, а также сокращением внешнеэкономических связей с восточными соседями, игравшими важную роль в обеспечении загрузки регионального транспорта. Особенно это относится к прибалтийским странам. Если ранее их транзитная роль была одной из основ развития, то теперь ввиду радикального сокращения сотрудничества с Россией и Белоруссией, эта важная для них функция утрачивается.

На попытки ее восстановления, но уже в другой конфигурации партнеров, рассчитаны реализуемые в регионе инициативы. Современные инфраструктурные проекты в Польше и странах Прибалтики формируются в условиях сложного баланса между военно-стратегическими задачами и экономической целесообразностью, создавая системные сложности в планировании. В Польше экономические мотивы зачастую преобладают над оборонными, тогда как в прибалтийских странах, скорее, наоборот. Но и в том и в другом случае развитие инфраструктурных проектов почти всегда содержит оборонную составляющую, служащую аргументом для софинансирования со стороны европейских фондов.

Таблица 1.3. Протяженность транспортной сети Польши и стран Прибалтики, км

ПОКАЗАТЕЛЬ	ПОЛЬША		ЛАТВИЯ		ЛИТВА		ЭСТОНИЯ	
	2019	2023	2019	2023	2019	2023	2019	2023
Железнодорожной	19359	19539	1860	1861	1911	1924	1167	1171
Автомобильной, в т.ч. автомагистралей	424915	428362	58261	57905	84683	83041	59067	89227
Внутренней водной	1676	1851	0	0	403	462	161	225
Трубопроводной	3722	3767	-	-	507	494	449	437
	248394	2584	339	339	500	500	-	-

Источник: Eurostat.

Таблица 1.4. Грузооборот видов транспорта Польши и стран Прибалтики, млн ткм

ПОКАЗАТЕЛЬ	ПОЛЬША		ЛАТВИЯ		ЛИТВА		ЭСТОНИЯ	
	2019	2024	2019	2024	2019	2024	2019	2024
Железнодорожный	54584	57818	15019	3509	16181	5905	2155	595
Автомобильный	348952	368314	14965	14906	53117	66245	4794	4363
Морской**	93864	136410*	59046	33577	52244	37237*	37760	23010*
Внутренний водный	87	29*	-	-	-	-	-	-
Авиа**	143,1	182,8	25,9	17,9	17,2	21,6	10,9	9,3
Трубопроводный	19394	12340*	923,4	0*	329,5	88,2*	-	-

Источник: Eurostat. * 2023 г. ** тыс. тонн.

Автомобильный транспорт

Автомобильный транспорт продолжает играть ключевую роль в связанности территории и грузоперевозках (табл. 1.3, 1.4). В Польше и Литве его грузооборот растет, хотя и отмечаются падения в отдельные годы, как, например, в Польше по итогам 2024 г. В Эстонии же, напротив, значимость автотранспорта сокращается. Для Латвии характерна определенная стабильность ситуации с проявлениями негативных трендов, в том числе сокращение дорожной сети и отсутствие автомагистралей.

Характерно, что в Польше (?) активно строятся новые трассы у восточных границ, где в них нет хозяйственной необходимости, мосты модернизируются с учетом большего веса бронетехники, стоящей на вооружении стран НАТО, а часть дорог проектируется с возможностью использования военной авиацией. В прибрежных регионах, особенно в Центральном Поморье, инфраструктура также адаптируется под логистику Североатлантического альянса — строятся дороги к портам, модернизируются терминалы. В Прибалтике ситуация сложнее — дорожная сеть в намного худшем состоянии, а бюрократия и нехватка квалифицированных дорожных рабочих тормозят изменения.

Морской транспорт

Морской транспорт – второй по значимости в отношении грузоперевозок. В регионе наблюдается два противоположных тренда: наращивание объемов в Польше и их резкое сокращение в Прибалтийских государствах с 2022 г., вызванное, в том числе, санкционными ограничениями. Перевалка грузов через морские порты, как и железнодорожные грузовые перевозки, были, среди прочего, связаны с РФ и Белоруссией. Однако несмотря на спад грузо- и пассажирооборота, во всех значимых балтийских портах активно проводятся дноуглубительные работы, модернизируются причалы и возводятся новые пассажирские терминалы. Цель этих преобразований заключается не только в увеличении перевалочных мощностей для коммерческих судов, но и в создании условий для базирования военных кораблей. В прилегающих к портам зонах также строятся защищённые объекты для размещения военных грузов, топливных резервов и оборудования.

Железнодорожный транспорт

Состояние железнодорожной сети не отвечает экономическим приоритетам региона. Подавляющая ее часть в Прибалтике не соответствует европейским стандартам. В Латвии электрифицировано около 14% путей, в Эстонии – 12%, в Литве – 8%, в то время как в Польше – 62%.

Грузоперевозки прибалтийских стран упали на порядок по сравнению с допандемийным периодом и продолжали сокращаться в 2024 г. Из числа перевозимых товаров ушли уголь, нефтепродукты, химическая продукция, металлические руды. Подобная обычная для железнодорожного транспорта номенклатура продолжает перевозиться только в Польше и Литве. В Латвии и Эстонии важную роль стала играть сельскохозяйственная и пищевая продукция.

В рамках общеевропейской инициативы TEN-T предполагается развитие железнодорожного проекта «Рейл Балтика». Он рассматривается как ключевой элемент транспортного коридора «север-юг» и создающий мультифункциональный эффект с другими видами транспорта. На данный момент из 15,3 млрд евро, запланированных на реализацию проекта, выделено более 4 млрд. При этом ожидается, что в случае своей реализации он принесет для стран региона прибыль в размере 48 млрд евро. Его реализация должна обеспечить транспортную связь региона с такими странами-кандидатами ЕС как Молдова и Украина. В самих же государствах Прибалтики будет создана транспортная сеть, отвечающая европейским стандартам, включая ширину колеи, что увеличивает их социально-экономическое и военное значение.

Предполагается, что к концу 2025 г. строительные работы должны охватить до 43% магистральной линии. Но фактически реализация проекта Рейл Балтика сталкивается с серьезными трудностями. Превышение сметы и вопросы нецелевого расходования средств вынуждают прибалтийские страны искать дополнительное финансирование в национальных бюджетах, не рассчитывая на деньги частных инвесторов. Несмотря на планы завершить строительство к 2030 г., независимые оценки указывают на срок не ранее 2035 г. При этом ключевые и длительные процессы, такие как закупка подвижного состава до сих пор не начаты, а их финансирование пока не предусмотрено ни в бюджете проекта, ни в программах поддержки ЕС.

Экономическая эффективность Рейл Балтика также подвергается сомнению. Представители эстонского отделения проекта открыто заявляют, что дорога не станет рентабельной, а ее содержание ляжет на бюджеты стран-участниц, поскольку доходы от пассажирских перевозок не покроют операционных расходов.

Латвийские эксперты в свою очередь акцентируют внимание на стратегическом значении проекта для НАТО. Однако перспективы использования Рейл Балтика для задач военной логистики оставляют немало вопросов ввиду нерешенности проблемы транспортной интеграции. Вероятно что в ближайшие 10–15 лет дорога не будет полноценно объединена с существующей транспортной системой прибалтийских стран.

Авиационный транспорт

Авиационная инфраструктура в регионе развивается в рамках долгосрочных стратегий, где военная мобильность тесно переплетается с гражданскими проектами. В Польше принятие «Политики развития гражданской авиации до 2030 г. (с перспективой до 2040 г.)» стало ответом на требования ЕС в области транспортного планирования. Этот документ не только обеспечивает доступ к существующим фондам развития, но и закладывает основу для финансирования в будущих бюджетных циклах.

В Прибалтике аэропорты также модернизируются для нужд военной мобильности. В Литве осенью 2024 г. был принят стратегический план развития аэропортов Вильнюса, Каунаса и Паланги до 2052 г. Помимо увеличения пассажиропотока, ключевой задачей является их совместимость с военными инфраструктурными проектами. В плане просматривается не коммерческий оптимизм, а подготовка к переброске войск и эвакуации беженцев. Особое внимание уделяется аэропорту Каунаса, который должен стать важным логистическим узлом для грузоперевозок и обслуживания военной авиации.

Эстония тоже активно привлекает финансирование Европейского союза с целью адаптировать аэропорт г. Таллин под нужды Альянса. Проект стоимостью 21,4 млн евро, половина из которых покрывается Еврокомиссией, предусматривает создание инфраструктуры для приёма войск союзников и хранения топлива. Проблем с финансированием пока не возникает, что позволяет реализовывать планы без значительных задержек.

Подводные коммуникации

Особую важность имеют транснациональные подводные коммуникации. Ссылаясь на якобы необходимость ответа на угрозы саботажа, НАТО приняла меры по усилению контроля и защиты подводной инфраструктуры в регионе Балтийского моря. Заявляется, что для этого задействованы технологии искусственного интеллекта, спутниковый мониторинг, ведется работа над внедрением подводных сенсорных сетей. Эти технологии позволяют отслеживать движение судов в режиме реального времени, быстро обнаруживать аномалии в подводной среде. Данные инструменты могут использоваться не только для обнаружения потенциальных угроз подводной инфраструктуре, но и для разведывательного мониторинга любой активности на море и под водой.

Одним из подходов к обеспечению безопасности является создание резервных каналов связи для повышения устойчивости цифровых систем. Во время встречи министров цифрового развития Северной Европы и Прибалтики в Стокгольме (18 октября 2024 г.) за риторикой о защите подводной инфраструктуры прослеживалась и более прагматичная цель — ускорение темпов цифровизации региона.

Таким образом, инвестиции в защиту подводных коммуникаций могут принести двойную выгоду — не только усилить безопасность, но и создать инфраструктурный задел для дальнейшего технологического развития. Впрочем, баланс между этими целями остается тонким: если военная составляющая очевидна, то экономическая отдача будет зависеть от того, насколько эффективно дополнительные мощности смогут быть интегрированы в общую цифровую экосистему региона.

1.3. Экология Балтийского моря и вопросы устойчивого развития

Балтийское море признается одним из самых уязвимых водоемов планеты. Ему по-прежнему угрожает ряд серьезных экологических проблем, вызванных антропогенной нагрузкой. К числу основных вызовов относятся: эвтрофикация (насыщение азотом и фосфором, приводящее к образованию зон гипоксии и аноксии, ведущее к деградации водных экосистем), загрязнение нефтепродуктами, выбросы промышленных предприятий, истощение рыбных ресурсов и утрата биоразнообразия, а также нарастающая проблема морского мусора.

Все эти явления тесно связаны с экономической деятельностью в регионе, и на пути их решения нередко возникают барьеры, обусловленные противоречием между краткосрочными интересами и долгосрочными целями. Не меньший вред наносят и политические разногласия между странами региона. Так, в 2022 г. ключевые организации, обеспечивающие экологическую безопасность, Хельсинская комиссия (ХЕЛКОМ) и Совет государств Балтийского моря (СГБМ) приостановили сотрудничество с Россией и Белоруссией. При этом, несмотря на отсутствие прямого выхода к морю, около 45% белорусской территории относится к водосборному бассейну Балтийского моря (реки Западная Двина, Неман, Западный Буг и их притоки несут свои воды в Балтику).

Согласно последним имеющимся оценкам ХЕЛКОМ, крупнейшим поставщиком азота и фосфора в Балтийское море является Польша, внося 17% азота и 25% фосфора от общего объема. Это обусловлено большей площадью земель сельскохозяйственного назначения и численностью населения страны. Латвия занимает второе место среди четырех государств (13% азота и 12% фосфора), Литва третье (9–12% азота и 9–10% фосфора), Эстония четвертое (3–5% азота и 2–3% фосфора), внося существенно меньший вклад. Наряду с биогенными элементами страны Балтийского региона производят и выбросы тяжелых металлов (прежде всего ртути, кадмия и свинца).

Основные причины – интенсивная промышленная деятельность и медленный водообмен. Металлы поступают в море как с реками (сточные и шахтные воды, промышленный сток), так и через атмосферные осадки (с дымовыми выбросами предприятий и тепловых электростанций).

Сравнение четырех стран показывает, что Польша вновь выступает крупнейшим загрязнителем в этой категории, тогда как вклад Латвии, Литвы и Эстонии относительно невелик. Согласно последним данным ХЕЛКОМ, на Польшу приходится значительная доля антропогенных выбросов тяжелых металлов в регионе. Например, в 2022 году она обеспечила около 17% выбросов кадмия и 22% выбросов ртути в атмосферу среди прибрежных стран Балтики. Напротив, доли Латвии, Литвы и Эстонии настолько малы, что не фигурируют в числе крупных эмитентов – совокупно они дают лишь считанные проценты.

Причины такого перевеса Польши связаны с ее относительно крупным промышленно-энергетическим комплексом. Эта страна исторически сильно зависит от сжигания угля (источник ртути, свинца, кадмия). В стране размещены металлургические заводы, угольные электростанции и химические предприятия. Также в Польше действуют крупные медно-свинцовые комбинаты, сбрасывающие тяжелые металлы с технологическими водами. В странах Прибалтики исторически преобладали отрасли легкой и пищевой промышленности, деревообработки и отдельные направления машиностроения, которые по своим масштабам и характеру воздействия формируют существенно меньшую антропогенную нагрузку на окружающую среду по сравнению с тяжелой индустрией Польши.

Говоря о перспективах, следует отметить, что до 2030 г. особых положительных изменений в динамике загрязнений, поступающих от Польши, Латвии, Литвы и Эстонии, не ожидается. Обновление материальной базы – очистных сооружений, сельскохозяйственной инфраструктуры, энергетического и промышленного оборудования, а также портовых мощностей требует более продолжительного времени. В совокупности с внешними факторами это обуславливает сохранение текущего уровня антропогенной нагрузки на Балтийское море. Наблюдаемые изменения будут носить точечный характер и не окажут значимого влияния на общую картину. Таким образом, выявленные различия в уровне антропогенного воздействия стран Балтийского региона позволяют критически оценить эффективность проводимой ими природоохранной политики. Именно степень вклада государств в загрязнение морской среды во многом определяет актуальность и приоритетность тех стратегических инициатив, которые они принимают на макрорегиональном уровне.

Природоохранная политика вышеуказанных стран реализуется через комплекс взаимосвязанных стратегических инициатив, среди которых: *Стратегия Европейского Союза для региона Балтийского моря, План действий ХЕЛКОМ по Балтийскому морю и Рамочная повестка «Балтика 2030»*. Анализ вышеуказанных документов показал декларативный характер значительной части заявленных инициатив. Так, согласно пятому докладу Европейской комиссии о макрорегиональных стратегиях, реализация Стратегии ЕС для региона Балтийского моря оценивается как частично удовлетворительная. До настоящего времени не создан единый комплекс индикаторов, сбора данных и анализа результатов реализации.

Результаты реализации Плана действий ХЕЛКОМ на сегодняшний день оцениваются как неудовлетворительные. Согласно данным системы Эксплорер, предназначенной для отслеживания выполнения мероприятий, реализована лишь незначительная часть из предусмотренных 199 мероприятий обновленного Плана. Как следует из третьего комплексного экологического обзора ХЕЛКОМ, с момента принятия Плана в 2017 г. и его обновления в 2021 г., удалось добиться определенного сокращения поступления в море питательных (азот и фосфор) и опасных веществ (тяжелые металлы, углеводороды, остатки лекарственных средств). Однако эти изменения до настоящего времени не привели к существенному улучшению состояния экосистемы: напротив, ключевые ее компоненты продолжают деградировать, что в ряде случаев требует введения ограничений и мораториев на промысловую деятельность.

Причины заключаются в следующем: неполное и несвоевременное выполнение странами региона предписаний ХЕЛКОМ; невыполнение национальных планов по сокращению сельскохозяйственных стоков; задержки в строительстве и модернизации очистных сооружений. Дополнительным негативным фактором выступают последствия изменения климата: повышение температуры воды и сопутствующие процессы нивелируют часть достигнутых результатов. В совокупности это обуславливает сохранение высокого уровня загрязнения и значительного антропогенного давления на Балтийское море, что делает проблему его экологического восстановления особенно острой.

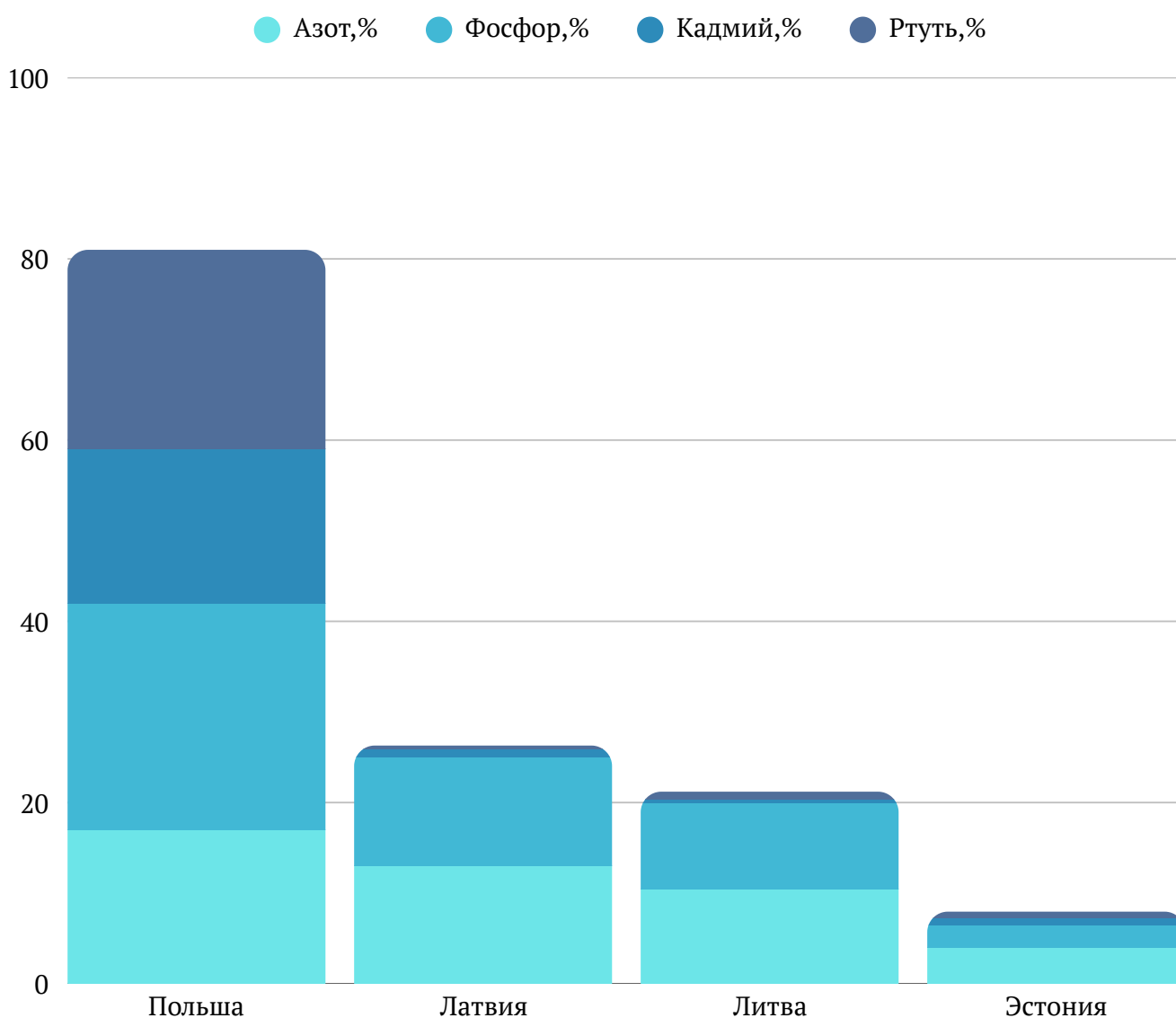
Более того, в связи с приостановкой участия Российской Федерации в официальных заседаниях после 2022 г. деятельность ХЕЛКОМ осложнилась. В результате уже к 2025 г. часть промежуточных сроков выполнения мер была нарушена. При сохранении текущей динамики реализация целей Плана действий ХЕЛКОМ, запланированных к 2030 г., находится под серьезной угрозой.

При сохранении текущей динамики, реализация целей Плана действий ХЕЛКОМ, запланированных к 2030 г., находится под серьезной угрозой.

Результаты реализации Рамочной повестки «Балтика 2030» также остаются неудовлетворительными: существенная часть целевых ориентиров по-прежнему не достигнута.

Перспективы достижения ключевых целей к 2030 г. в значительной степени зависят от способности правительств преодолеть текущие институциональные и ресурсные ограничения и обеспечить системный подход к реализации «Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.».

Рис. 1.5. Доля стран в различных видах антропогенной нагрузки на Балтийское море, %

1.4. Система внешнеэкономических связей

Членство в Европейском Союзе и принадлежность к единому региону предопределяют ряд схожих черт во внешней торговле Польши и стран Прибалтики: место Германии как одного из ключевых партнеров, товарная специализация, налаженные взаимоотношения. Однако в силу экономических особенностей стран их внешнеторговая специализация довольно различна.

Польша остается заметным игроком, активно наращивающим свои внешнеторговые потоки (табл. 1.5). По итогам 2024 г. ее товарооборот вырос на 1,0%, импорт – на 2,5%. Значение прибалтийских республик минимально не только на мировом, но и европейском уровне. Они являются традиционными нетто-импортерами, их совокупный товарооборот на порядок уступает польскому, что среди прочего предопределяет асимметричность взаимоотношений между государствами Балтийского региона. При этом наблюдается тренд на уменьшение внешнеторговых потоков прибалтийских стран в последние два года. В 2024 г. товарооборот Латвии сократился на 11,8%, Литвы – 7,5%, Эстонии – 3,1%. В Латвии и Литве основной спад связан с падением импорта. В Эстонии экспорт в 2024 г. сократился сильнее импорта.

Эффект соседства, исторические связи, членство в Евросоюзе и размер экономики фактически формируют приоритеты в отношении внешнеэкономических партнеров (табл. 1.6). Общим для стран региона является обширные связи с Германией.

К особенностям Польши на фоне прибалтийских республик относится ориентация на крупнейшие экономики ЕС, а также мира – США и Китай, хотя и для нее присущи исторически обусловленные и сохраняющиеся приоритеты в отношении Чехии. Последнее наиболее проявляется именно в странах Прибалтики, когда государства этого субрегиона продолжают играть ключевую роль в торговле друг друга. Кроме того, для Латвии и Литвы велико значение Польши. Эстония, напротив, ориентирована на скандинавских партнеров – Финляндию и Швецию.

Наименее диверсифицированной географической структурой внешней торговли обладают Польша и Латвия. У Латвии доля трех ключевых партнеров в импорте в 2024 г. превысила 43%, в экспорте – 36%. У Польши – 38% и 39% соответственно. Географическая структура внешнеторгового сектора Литвы и Эстонии более сбалансирована, доля важнейших партнеров не превышает 20%.

По итогам 2024 г. Россия и Белоруссия преимущественно не относились к числу приоритетных внешнеторговых направлений для стран Балтийского региона. Исключение составляют Латвия, более 5% экспорта которой продолжает направляться в РФ, и частично Литва, чуть менее 3% экспорта которой идет в Белоруссию. Наиболее сильное ослабление связей с восточными соседями наблюдается в импорте государств региона. Значение России и Белоруссии в экспорте прибалтийских республик хоть и выше, чем в импорте, однако экономически не значимо. Позиции РФ во внешнеторговом секторе Польши деградировали от лидирующих до второстепенных.

Таблица 1.5. Динамика внешней торговли Польши и стран Прибалтики, млрд долл.

СТРАНА	ПОКАЗАТЕЛЬ	2019	2020	2021	2022	2023	2024	ПРИРОСТ 2024/2019, %	ДОЛЯ В МИРЕ, 2024, %
ПОЛЬША	ЭКСПОРТ	266,6	273,8	340,6	360,5	381,5	380,1	42,6	1,6
	ИМПОРТ	265,3	261,6	342,1	381,2	370,1	379,3	43,0	1,5
ЛАТВИЯ	ЭКСПОРТ	15,7	16,3	20,8	24,1	22,7	20,5	30,6	0,1
	ИМПОРТ	18,9	18,4	24,5	29,5	27,4	23,7	25,4	0,1
ЛИТВА	ЭКСПОРТ	33,2	32,8	40,7	46,5	42,9	39,7	19,6	0,2
	ИМПОРТ	35,8	33,3	44,5	55,1	48,5	44,8	25,1	0,2
ЭСТОНИЯ	ЭКСПОРТ	16,1	16,3	21,6	22,9	19,6	18,8	16,8	0,1
	ИМПОРТ	18,0	17,3	23,6	26,8	22,9	22,4	24,4	0,1

Источник: UNCTAD

Таблица 1.6. Торговые партнеры Польши и стран Прибалтики, 2024 г.

СТРАНА	ДОЛЯ В ЭКСПОРТЕ, %			ДОЛЯ В ИМПОРТЕ, %		
	КЛЮЧЕВЫЕ	РОССИЯ	РБ*	КЛЮЧЕВЫЕ	РОССИЯ	РБ*
ПОЛЬША	Германия 27,1 Чехия 6,1 Франция 6,1	0,8	0,6	Германия 25,2 Китай 9,8 США 3,5	0,5	0,1
ЛАТВИЯ	Литва 17,9 Эстония 11,6 Германия 6,5	5,4	0,8	Литва 20,5 Германия 11,5 Польша 11,1	2,4	0,9
ЛИТВА	Латвия 11,9 Польша 9,9 Германия 8,7	1,7	2,8	Польша 14,0 Германия 12,5 Латвия 8,1	0,5	0,5
ЭСТОНИЯ	Финляндия 15,8 Латвия 11,1 Швеция 8,9	2,4	0,8	Финляндия 13,1 Германия 11,4 Латвия 10,8	0,5	0,1

Источник: Eurostat.

* – Белоруссия

Таблица 1.7. Отраслевая структура внешней торговли Польши и стран Прибалтики, 2024 г., %

СЕКТОР	ПОЛЬША	ЛАТВИЯ	ЛИТВА	ЭСТОНИЯ
Экспорт, всего в том числе	100	100	100	100
• пищевые продукты и живые животные	12,4	17,0	15,1	10,4
• напитки и табак	2,0	4,4	2,7	1,1
• сырье непродовольственное, кроме топлива	1,9	13,6	5,3	8,8
• минеральное топливо	2,7	7,1	14,4	7,9
• животные и растительные масла	0,3	0,6	0,3	0,7
• химические вещества	9,3	10,5	15,4	6,3
• промышленные товары	16,4	15,0	10,7	15,7
• машины и транспортное оборудование	37,2	20,5	20,1	33,8
• готовые изделия	17,6	10,6	15,9	13,9
Импорт, всего в том числе	100	100	100	100
• пищевые продукты и живые животные	8,0	14,4	10,3	10,0
• напитки и табак	0,9	3,9	1,7	1,9
• сырье непродовольственное, кроме топлива	2,6	3,9	3,4	3,7
• минеральное топливо	7,6	11,0	18,0	9,8
• животные и растительные масла	0,5	0,9	0,6	0,3
• химические вещества	13,9	14,1	15,6	11,7
• промышленные товары	14,5	12,4	13,0	14,4
• машины и транспортное оборудование	35,2	27,9	28,6	35,5
• готовые изделия	14,9	8,7	8,7	10,7

Источник: Eurostat.

Все страны Балтийского региона отличаются низкой диверсификацией отраслевой структуры внешнеторговых потоков. На три основных сектора приходится более 50% их экспорта и импорта. В 2024 г. наибольшая концентрация экспорта была характерна для Польши (71,2% на 3 сектора) и Эстонии (63,4%), импорта – для Польши (64,6%) и Литвы (62,2%) (табл. 1.7). Помимо низкой диверсификации, Польша выделяется идентичной структурой ключевых секторов: важнейшими в рамках экспорта и импорта были машины и транспортное оборудование, готовые изделия и промышленные товары. В целом машины и транспортное оборудование является основной статьёй экспорта и импорта всех стран региона. Эстония специализируется также на промышленных товарах, готовых изделиях и химических веществах. Литва – на готовых изделиях, химических веществах и минеральном топливе. Латвия, выделяющаяся наиболее диверсифицированной структурой внешней торговли, – на пищевых продуктах, промышленных товарах и химических веществах.

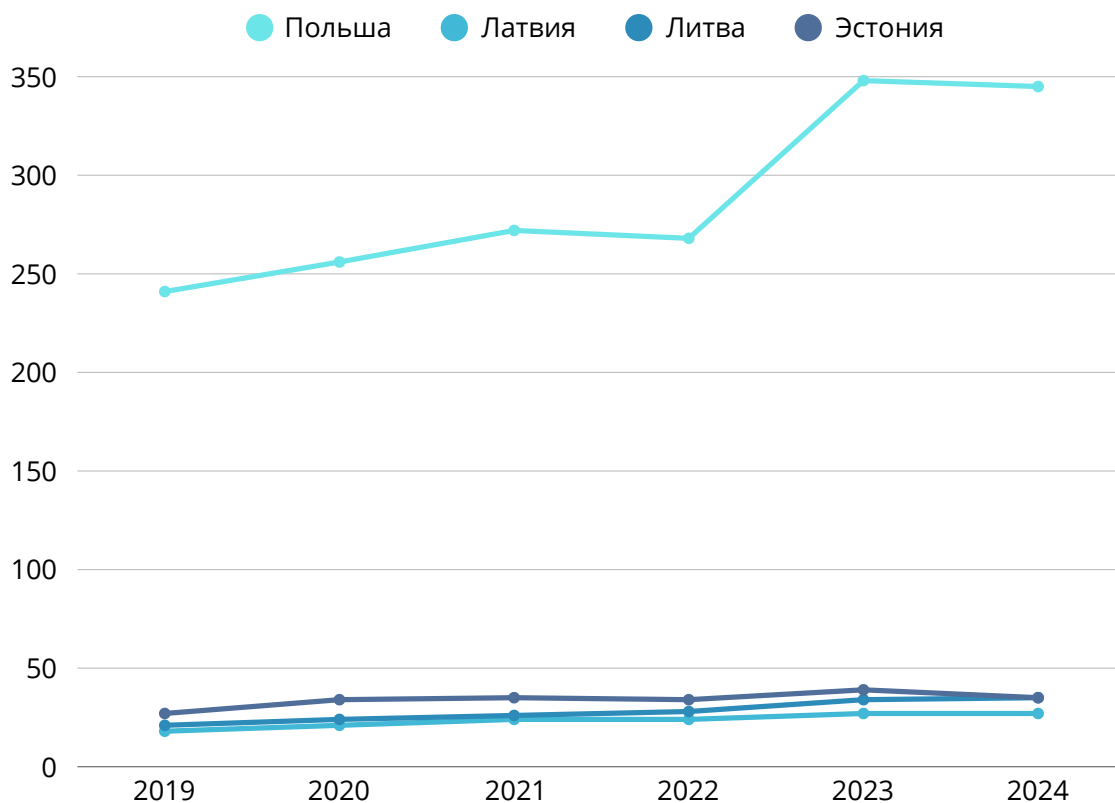
Зачастую текущие торговые отношения стран региона с Россией и Белоруссией сконцентрированы вокруг одного сектора, в роли которого, за редким исключением, не выступает их основной сектор специализации – машины и транспортное оборудование (табл. 3.4). Ключевые торгуемые товары относятся к химическим веществам, готовым изделиям, промышленным товарам, напиткам, пищевым продуктам, непродовольственному сырью, маслам. Минеральное топливо как основная статья импорта из РФ по итогам 2024 г. сохранилось у Польши и Латвии. В латвийском топливном импорте из России основу составляет природный газ (более 73%) и электроэнергия (18%). Польша импортирует исключительно российский газ в рамках минерального топлива.

Таблица 1.8 Основные статьи внешней торговли Польши и стран Прибалтики с Россией и Белоруссией, 2024 г.

СТРАНА	РОССИЯ		БЕЛОРУССИЯ	
	ДОЛЯ В ЭКСПОРТЕ В РФ, %	ДОЛЯ В ИМПОРТЕ В РФ, %	ДОЛЯ В ЭКСПОРТЕ В РБ, %	ДОЛЯ В ИМПОРТЕ В РБ, %
ПОЛЬША	хим.вещества 34,3 готов.изделия 19,2 пром.товары 13,9	хим.вещества 35,8 мин.топливо 28,0 пром.товары 14,1	машины и транс. оборудование 39,8 хим.вещества 20,4 пром.товары 14,2	хим.вещества 37,9 пром.товары 23,7 готов.изделия 15,7
ЛАТВИЯ	напитки и табак 44,5 готов.изделия 28,7 хим.вещества 12,8	пищ.продукты 36,2 мин.топливо 34,3 пром.товары 14,6	напитки и табак 44,5 готов.изделия 28,7 хим.вещества 12,8	жив./раст. масла 28,5 пищ.продукты 18,8 сырье непрод. 16,8
ЛИТВА	готов.изделия 21,5 пром.товары 16,5 машины и транс. оборудование 15,5	хим.вещества 35,9 сырье непрод. 28,1 пищ.продукты 17,8 мин.топливо 9,7	машины и транс. оборудование 41,1 хим.вещества 27,8 пром.товары 9,9	готовые изделия 25,7 пром.товары 21,5 пищ.продукты 20,8
ЭСТОНИЯ	машины и транс. оборудование 42,9 готов.изделия 12,9 хим.вещества 9,4	пром.товары 21,6 хим.вещества 17,6 пищ.продукты 16,9 мин.топливо 11,1	пищ.продукты 50,4 машины и транс. оборудование 28,2 пром.товары 8,9	пром.товары 30,5 жив./раст. масла 28,6 готов.изделия 14,3

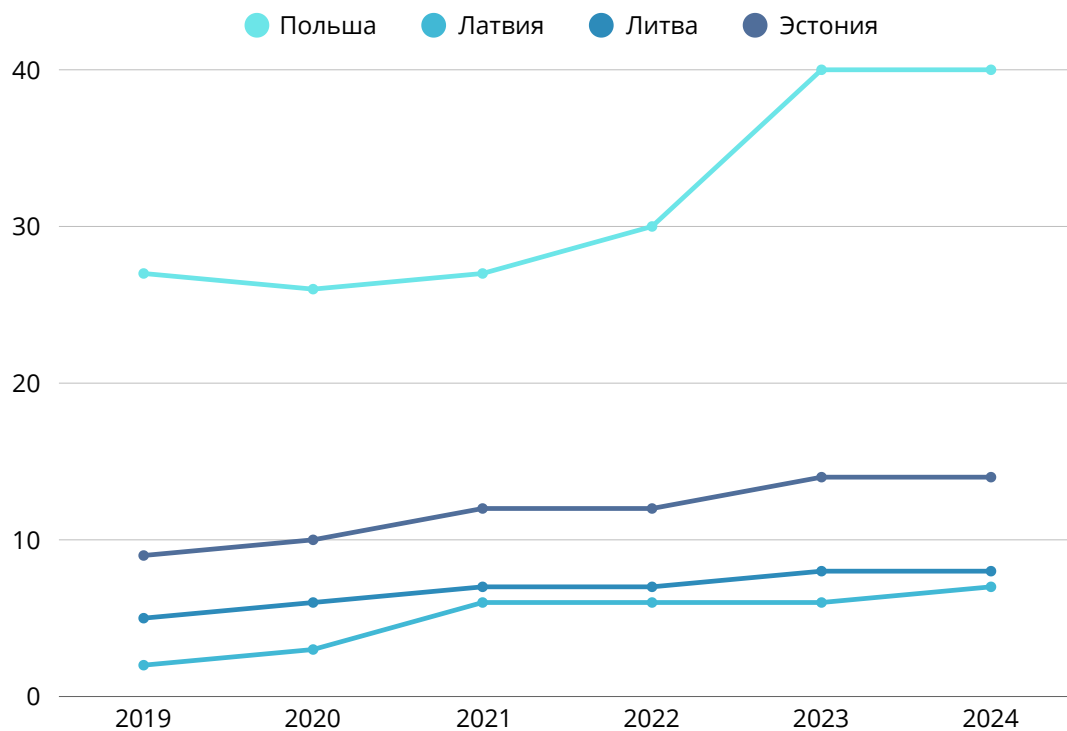
Источник: Eurostat.

Рисунок 1.4 Накопленные входящие ПИИ Польши и стран Прибалтики, млрд долл.

Источник: UNCTAD.

Рисунок 1.5. Накопленные исходящие ПИИ Польши и стран Прибалтики, млрд долл.

Источник: UNCTAD.

Прямые иностранные инвестиции

Государства балтийского региона – традиционные нетто-импортеры капитала, чья роль в потоках ПИИ не изменится в долгосрочной перспективе. Крупнейшей территорией по аккумулированию ПИИ является Польша, на порядок обгоняющая Прибалтийские республики (рис. 3.1). При этом польский капитал менее склонен к экспансии за рубеж, чем прибалтийский. Второе государство по объемам накопленных ПИИ – Эстония, наименьшая экономика, сильно зависящая от скандинавского капитала. Наименее ориентированной на внешние инвестиции остается Литва. Долгосрочной тенденцией для всего региона является рост входящих и исходящих ПИИ, однако в отдельные годы отмечаются негативные тренды (рис. 3.1, 3.2). В 2024 г. накопленные входящие ПИИ в Польшу сократились на 0,7 п.п., в Эстонию – на 10,7 п.п. исходящие ПИИ падали в 2024 г. во всех странах, кроме Латвии, демонстрировавшей уверенный экономический рост годом ранее. В Эстонии сокращение составило 0,6 п.п., в Польше – 1,1 п.п., в Литве – 2,0 п.п. В Латвии по итогам 2024 г. рост составил 4,9 п.п. Однако для небольших экономик типичны резкие колебания объемов ПИИ. Основными инвесторами стран Балтийского региона являются европейские оффшоры, Германия, Финляндия, Швеция и сами участники региона (табл. 3.5). При этом Польша ориентирована на Германию и оффшоры, Эстония – на скандинавские страны и оффшоры, Латвия и Литва – помимо прочих на Эстонию. Традиционно тройка основных инвесторов играет преобладающую роль во входящих ПИИ этих государств. В 2024 г. наибольшая концентрация была характерна для Латвии (более 52% на тройку основных инвесторов), Польши и Эстонии (по 48,1%). Позиции России и Белоруссии в инвестиционных связях стран Балтийского

региона в последние годы значительно сократились. В Латвии произошло практическое вымывание российского капитала: доля РФ в 2024 г. сократилась до 3,9%. Второй страной по доле РФ в накопленных ПИИ является Эстония – 2,1%. В 2024 г. в Литве деградация достигла 0,7%, в Польше – 0,1%. Белорусский капитал, напротив, укрепил позиции в Польше – 1,0% в 2024 г. и сохранил тот же уровень в Литве (0,8%). Для Латвии и Эстонии характерно ослабление роли Белоруссии. Польша и Прибалтийские республики обладают ограниченным числом направлений, привлекательных для иностранных инвестиций. Более 50% входящих ПИИ аккумулируют три основных сектора (табл. 3.6). В Эстонии их доля в 2024 г. превысила 63%. Общим для всех стран является присутствие среди приоритетных сфер финансовой и страховой деятельности, для Литвы и Эстонии она является ключевой. В Польше для иностранного капитала наиболее привлекательна обрабатывающая промышленность, для Латвии – профессиональная и научная деятельность. ПИИ также направлялись в торговлю и операции с недвижимостью. Польша и Прибалтийские республики обладают ограниченным числом направлений, привлекательных для иностранных инвестиций. Более 50% входящих ПИИ аккумулируют три основных сектора (табл. 3.6). В Эстонии их доля в 2024 г. превысила 63%. Общим для всех стран является присутствие среди приоритетных сфер финансовой и страховой деятельности, для Литвы и Эстонии она является ключевой. В Польше для иностранного капитала наиболее привлекательна обрабатывающая промышленность, для Латвии – профессиональная и научная деятельность. ПИИ также направлялись в торговлю и операции с недвижимостью.

Таблица 1.9. Основные страны-инвесторы Польши и стран Прибалтики

СТРАНА-ПОЛУЧАТЕЛЬ ПИИ	СТРАНА-ИНВЕТОР И ДОЛЯ СТРАНЫ-ИНВЕТОРА В ОБЩЕМ ОБЪЕМЕ ВХОДЯЩИХ ПИИ, %			
	2019		2024	
ПОЛЬША*	Нидерланды	20,3	Нидерланды	18,8
	Германия	18,7	Германия	16,6
	Люксембург	12,8	Люксембург	12,7
	<i>Итого</i>	<i>51,8</i>	<i>Итого</i>	<i>48,1</i>
	Россия	0,2	Россия	0,1
	Белоруссия	0,2	Белоруссия	1,0
ЛАТВИЯ	Швеция	15,2	Швеция	31,1
	Эстония	13,5	Эстония	13,0
	Россия	10,0	Литва	8,6
	<i>Итого</i>	<i>38,7</i>	<i>Итого</i>	<i>52,7</i>
	-	-	Россия	3,9
	Белоруссия	0,5	Белоруссия	0,4
ЛИТВА	Швеция	15,2	Германия	15,4
	Эстония	14,1	Нидерланды	13,7
	Нидерланды	12,7	Эстония	10,0
	<i>Итого</i>	<i>42,0</i>	<i>Итого</i>	<i>39,1</i>
	Россия	1,2	Россия	0,7
	Белоруссия	0,8	Белоруссия	0,8
ЭСТОНИЯ	Швеция	23,6	Финляндия	20,5
	Финляндия	23,2	Люксембург	16,6
	Нидерланды	6,2	Швеция	11,0
	<i>Итого</i>	<i>53,0</i>	<i>Итого</i>	<i>48,1</i>
	Россия	3,3	Россия	2,1
	Белоруссия	0,4	Белоруссия	0,2

Источник: Central Bank of Latvia, Official statistic portal of Lithuania, Central Bank of Estonia, National Bank of Poland.

* данные за 2023 г.

Таблица 1.10. Отраслевая структура входящих ПИИ Польши и стран Прибалтики, %, 2024 г.

ОТРАСЛИ	ПОЛЬША	ЛАТВИЯ	ЛИТВА	ЭСТОНИЯ
Сельское хозяйство, лесное хозяйство и рыболовство	0,4	4,0	1,8	2,2
Горнодобывающая промышленность и разработка карьеров	0,2	0,8	0,2	0,4
Обрабатывающая промышленность	29,3	13,1	13,2	9,9
Снабжение электроэнергией, газом, паром и кондиционирование воздуха	3,8	2,7	1,4	1,4
Строительство	5,7	1,6	1,8	1,0
Оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей и мотоциклов	13,9	13,3	9,9	10,2
Перевозка и хранение	1,6	2,9	2,4	2,0
Деятельность по предоставлению услуг проживания и питания	1,0	0,9	0,4	0,3
Информация и связь	5,9	3,5	5,8	5,0
Финансовая деятельность и страхование	13,2	14,9	35,7	31,1
Операции с недвижимым имуществом	9,1	12,5	6,8	18,9
Профессиональная, научная и техническая деятельность	10,4	24,4	9,5	13,2
Прочее	5,5	5,4	11,1	4,4
Всего	100	100	100	100

Источник: Central Bank of Latvia, Official statistic portal of Lithuania, Central Bank of Estonia, National Bank of Poland.

* данные за 2023 г.

2.1. Внутриполитические тенденции в Польше и прибалтийских странах

Польша и Прибалтика сталкиваются со схожими вызовами: нарастающим запросом общества на обновление власти, расколом по отношению к традиционным и новым либеральным ценностям, истощением традиционных партийных моделей. Внутриполитический ландшафт характеризуется фрагментацией, ростом популистских и правонационалистических настроений, а также острым противоречием между курсом на ускоренную милитаризацию и необходимостью решать усугубляющиеся социально-экономические проблемы. На этом фоне региональное политическое пространство становятся полем для конкуренции внешних игроков, прежде всего США и партнеров по ЕС. Ключевым событием 2025 г. в Польше, определившим вектор ее дальнейшего внутриполитического развития, стали президентские выборы. Их главный итог не столько избрание «темной лошадки» Кароля Навроцкого, сколько тяжелейшее поражение Дональда Туска.

Изначально Туск обладал широкой свободой в продвижении своего ставленника Рафала Тшасковского и предварительной поддержкой Брюсселя. Однако Вашингтон выступил против оказания активного влияния на выборы по румынскому сценарию. В результате их итог удовлетворил американскую сторону, но вызвал глубокое разочарование в европейских столицах.

Поражение Рафала Тшасковского ослабило позиции Дональда Туска, лишив его сильного общественного мандата и возможности консолидировать власть. Кроме того, он будет ограничен в возможностях конвертировать административный ресурс в экономические дивиденды для своего окружения, что неизбежно снизит лояльность.

Важнейшей тенденцией становится постепенная деконструкция системы, построенной вокруг персоналистских партий Ярослава Качиньского и Дональда Туска. Обе ведущие силы заинтересованы в сохранении друг друга как главного оппонента, чтобы не дать выйти на авансцену новым политическим игрокам. Однако общество демонстрирует усталость от политиков поколения «Солидарности». Успех молодых кандидатов на президентских выборах, правого Славомира Ментцена и победителя Кароля Навроцкого, отражает запрос на обновление элит. Этот запрос может ускорить кадровые изменения в руководстве как «Права и Справедливости», так и «Гражданской Платформы», чтобы остановить отток их избирателей к третьим силам.

Ярослав Качиньский, в отличие от Дональда Туска, сумел своевременно инициировать постепенный транзит власти внутри партии, выводя на первый план молодых политиков, не теряя при этом контроля над текущими процессами. Победа Кароля Навроцкого, формально беспартийного, укрепила позиции Ярослава Качиньского как руководителя, способного приводить соратников к победам и сдержала внутреннюю борьбу за лидерство. Именно беспартийность делает фигуру Кароля Навроцкого привлекательной для различных внутрипартийных групп «Права и Справедливости». Впрочем, на ключевые посты в администрации президента назначены и опытные партийные кадры, такие как Яцек Сариуш-Вольский и Павел Шефернакер.

Положение «Гражданской Платформы» и ее лидера выглядит сложнее. Дональд Туск не готов отойти на второй план и делиться властью, стараясь сохранить пост премьера. Его партия зависит от младших партнеров по коалиции, отношения с которыми, особенно с «Польшей 2050», остаются напряженными. Текущее правительство не может похвастаться успехами: рост экономики замедляется, данные социальные обещания не выполняются, а увеличение военных расходов грозит сокращением социальных статей.

Общая слабость и разобщенность правящей коалиции, вызванная поражением Дональда Туска, в целом способствует принятию половинчатых решений по ключевым вопросам. По мере приближения парламентских выборов, запланированных на октябрь 2027 г., младшие коалиционеры будут стремиться дистанцироваться от «Гражданской Платформы», чтобы переложить на нее ответственность за неудачи. Это делает распад коалиции и досрочные выборы маловероятными в ближайшее время, но все более возможными в среднесрочной перспективе.

На правом фланге консервативно-традиционалистская «Конфедерация» во главе с Ментценом, показав хороший результат на президентских выборах, тем не менее сталкивается с проблемой «потолка» поддержки и неспособностью конвертировать ее в реальное политическое влияние. Хотя ее лидеры заявляли в свое время о готовности к коалиции с «Правом и Справедливостью», история показывает, что небольшие партии, входившие в подобные альянсы, всегда теряли электорат. По всей видимости «Конфедерации» предрешено пребывать в роли протестной силы. Партия способна собирать голоса на президентских выборах, но на парламентских это будет сделать сложнее, так как избиратели на них обычно предпочитают умеренные партии.

Аналогичный сдвиг вправо, выраженный даже более отчетливо, определяет внутривнутриполитическую ситуацию в Литве, Латвии и Эстонии в конце 2025 г. Она характеризуется нарастанием системных кризисов, фрагментацией политического ландшафта и заметным сдвигом общественных симпатий вправо. Ключевым фактором, определяющим динамику во всех трех странах, является подготовка к очередным парламентским выборам: в Латвии и Эстонии они запланированы на 2026 г. и 2027 г. соответственно, а в Литве высока вероятность досрочного голосования из-за крайней неустойчивости правящей коалиции. Эти электоральные циклы обнажают глубокие проблемы, общие для правящих элит региона: истощение кадрового потенциала, череда коррупционных скандалов, снижение интереса молодежи к политике и утрата четкой идейной повестки.

На этом фоне происходит переориентация электоральных предпочтений. В Литве набирает силу новая право-популистская партия «Заря над Неманом», делающая ставку на традиционные ценности и выступающая в качестве «универсального партнера» для возможных коалиций. В Латвии самым популярным политиком стал Айнарс Шлесерс, чья партия «Латвия на первом месте» лидирует в опросах. В Эстонии низкие рейтинги правящей коалиции «Партии реформ» и «Эстонии 200» контрастируют с ростом поддержки национал-консервативной партии «Отечество». Этот сдвиг создает условия для формирования новой модели власти, особенно актуальной для Латвии и Эстонии – тандема правых националистов и центристов, имеющих поддержку русскоязычного электората. Политические фигуры типа Айнарса Шлесерса в Латвии и Михаила Кылварта в Эстонии публично выступают против дискриминации, но на практике не препятствуют такой политике и не поддерживают интересы меньшинств.

Их альянсы с правыми рассматриваются политтехнологами как потенциально более эффективные для консолидации общества в условиях милитаризации и угрозы конфликта, нежели прежние либеральные коалиции.

Политическое поле региона становится все более фрагментированным и нестабильным. В Литве разнородная правящая коалиция, куда кроме социал-демократов входят аграрии и право-популисты, балансирует на грани распада. В Латвии голосование по выходу из Стамбульской конвенции четко выявило в парламенте контуры альтернативных «теневых коалиций», указывая на возможную масштабную перегруппировку сил перед выборами 2026 г. В Эстонии наблюдается крах поддержки правящего блока, а на местном уровне формируются новые идеологически пестрые союзы. Яркий пример – коалиция в Таллине между правым «Отечеством» и «Центристской партией», традиционно опиравшейся на русскоязычных избирателей, но поддержавшей политику перехода образования на эстонский язык.

Русскоязычное население остается значимым фактором, но оно все больше разочаровывается в политиках и находится в состоянии разобщенности.

Параллельно обостряются внутренние социально-экономические противоречия между социальными обязательствами государства и курсом на ускоренную милитаризацию. Бюджетные дискуссии в Литве, где планируется резкое увеличение оборонных расходов до 5,4% ВВП, спровоцировали отставку министра обороны и акции протеста госслужащих, требующих повышения зарплат. Это прямое противоречие между военными амбициями и социальной стабильностью является общим вызовом для всех балтийских правительств.

Таким образом, политическое развитие Польши и стран прибалтики в 2025 г. демонстрирует единую тенденцию к кризису устоявшихся моделей управления и смещению общественных симпатий вправо. Общими вызовами для всех четырех государств являются фрагментация партийных систем, усталость от старых элит, острый конфликт между военными расходами и социальными обязательствами. Противоречия наблюдаются между общественным запросом на прозрачность и новыми возможностями для коррупции. Напряжения добавляет и растущее влияние внешних факторов, прежде всего конфликт на Украине.

Однако на этом фоне четко прослеживаются и существенные различия. В Польше политический процесс остается в высокой степени персонализированным и структурированным вокруг конфликта двух крупных лагерей – «Права и Справедливости» и «Гражданской платформы». В Прибалтике происходит более глубокая фрагментация с активным появлением новых нишевых партий. Роль этнического вопроса и политики национальной идентичности, оставаясь важной для Польши, гораздо более остро ощущается в Латвии и Эстонии, где вопросы интеграции русскоязычного меньшинства продолжают раскалывать общество.

2.2. Политика памяти и идентичности

В Польше и Прибалтике продолжается разрушение канона памяти о Второй мировой войне. Борьба с «советским наследием» в общественном пространстве уже практически завершена, а польско-прибалтийские нарративы о Второй мировой войне в значительной степени восприняты Западной Европой. Новые проекты с созидательным нарративным потенциалом в сфере памяти и идентичности отсутствуют.

Наблюдаемый в последние годы в Польше кризис исторической политики вызван как внутренними, так и внешними причинами. Несмотря на существующий с начала 2020-х гг. общественный запрос на реформирование официальной политики памяти, отказ от наиболее одиозных исторических нарративов после смены власти оказался невозможным. Это обусловлено консолидацией консервативной части общества вокруг созданных партией «Право и справедливость» мифологем, а также вследствие того, что большая часть нарративов была воспринята лагерем «Гражданской платформы».

Ключевым маркером преемственности в политике памяти между правительствами «Прав и справедливости» и «Гражданской платформы» стало продолжение деятельности Института национальной памяти (ИНП) – главного актора на данном направлении. Несмотря на предвыборные обещания «Гражданской платформы» и коалиционных партий ограничить деятельность ИНП, его бюджет продолжает составлять около 600 млн злотых (150 млн долл).

Практически по всем основным направлениям политики памяти фиксируется межпартийное согласие «Прав и справедливости» и «Гражданской платформы», а отличия имеют в основном стилистический характер.

После победы на президентских выборах ставленника «Прав и справедливости» Кароля Навроцкого, который с 2021 г. занимал пост главы ИНП, стоит ожидать возвращения в официальной политике героизации «проклятых солдат» — бойцов вооруженного антисоветского и антикоммунистического подполья, замалчивания и/или отрицания соучастия поляков в Холокосте, развития нарративов, связанных со «страданиями от советской оккупации» («польская операция НКВД», «Августовская облава» и т.д.).

На внешнеполитическом направлении среди исторических нарративов особенно выделяется тема Волынской резни. Ее активная эксплуатация в 2023-2025 гг. как на внутреннем (в предвыборных кампаниях в контексте роста антиукраинских настроений в польском обществе), так и на внешнем треке не снижает чувствительности для польского общества. Почти 60% населения считает проведение полномасштабных эксгумаций на Волыни обязательным условием вступления Украины в ЕС и НАТО¹. Польша по-прежнему будет использовать волынскую риторику для давления на Киев. Не менее важным для польской политики памяти и идентичности в ближайшее время останется мнемонический конфликт, развивающийся вокруг Германии и подвергающий сомнению прежние тезисы о том, что немецкая проработка прошлого является примером для подражания.

¹ Rzeź wołyńska i kwestia przyjęcia Ukrainy do UE i NATO. Co sądzą o tym Polacy? Rzeczpospolita. 18.01.2025. URL: Rzeź wołyńska i kwestia przyjęcia Ukrainy do UE i NATO. Co sądzą o tym Polacy? Rzeczpospolita. 18.01.2025. URL: <https://www.rp.pl/kraj/art41697291-rzez-wozynska-i-kwestia-przyjecia-ukrainy-do-ue-i-nato-co-sadza-o-tym-polacy> (дата обращения: 25.07.2025) (дата обращения: 25.07.2025)

На фоне миграционного кризиса на границах с Германией и обострения польско-немецких отношений можно ожидать возвращения в повестку с подачи Навроцкого и ПиС вопроса о репарациях от Германии, активизации с польской стороны нарратива о «немецкой вине» в противовес нарративу о «немецких страданиях».

Также в Польше будет сохраняться устоявшаяся концепция «главной жертвы» во Второй мировой войне, предполагающая продвижение и развитие тезисов о «двух тоталитаризмах», полностью воспринятых польским обществом. Она будет усилена и тем, что в сложившемся новом европейском историческом консенсусе России отведена не только роль главного «нераскаявшегося» виновника всех трагедий XX в., но и традиционная роль конституирующего «Другого», против которого необходимо объединиться.

В области идентичности наиболее динамичные изменения происходят в религиозной сфере. Несмотря на то, что католицизм остается важной частью польского историко-культурного кода, его все сложнее считать определяющим фактором идентичности. Приходится говорить о «галопирующей секуляризации», главным показателем которой стало снижение числа декларирующих себя верующими на 13% (до 78%) за 2019–2025 гг. Стабильно растут критические настроения в отношении Костела – почти половина поляков (45% весной 2025 г.) негативно относится к его деятельности и образу жизни духовенства.

В странах Прибалтики столь серьезных трансформаций в области памяти и идентичности не происходит. Основой официальной идентичности для всех трех стран остается культ «лесных братьев» и

коллаборантов, а «десоветизация» национальной истории – главной задачей официальной политики памяти. Развивается процесс перекодировки собственных «мест памяти», впрочем, не всегда успешный. Высокий дискуссионный потенциал сохраняют вопросы отношения к собственным политикам, деятелям культуры и искусства советского периода. Рамки секьюритизации, которые традиционно связывают русскоязычные меньшинства с их поддержкой России, медиапотреблением российских СМИ и культурным выбором, по-прежнему используются для представления их как потенциальной угрозы безопасности и оправдания политики поэтапного лишения их базовых прав. Однако реформы системы образования в Латвии и Эстонии и сопутствующий им акцент в публичных дискуссиях говорят о тенденции перехода властей от политики изоляции к форсированной интеграции меньшинств в ближайшей перспективе.

Наиболее заметные изменения в политике памяти и идентичности можно ожидать в Литве, где происходит размывание концепции о преемственности Великому княжеству Литовскому, как многонациональному и многоконфессиональному государству. Заметное увеличение числа русскоязычного населения Вильнюса и других крупных городов, в результате притока украинских беженцев и белорусских «оппозиционеров», распространение концепции литвинизма среди белорусской диаспоры привело к росту ксенофобии в обществе и стало серьезным вызовом для властей. Поддержка представлений о Великом княжестве Литовском как общем историческом пространстве литовцев и белорусов, ранее

² Kościół w Polsce znajduje się na zakręcie swojej historii. Onet. 15.05.2025. URL: Kościół w Polsce znajduje się na zakręcie swojej historii. Onet. 15.05.2025. URL: <https://www.onet.pl/informacje/kai/kosciol-w-polsce-znajduje-sie-na-zakrecie-swojej-historii-analiza/ed6t8y4,30bc1058> (дата обращения: 25.07.2025) (дата обращения: 25.07.2025)

³ Polacy ocenili Kościół. Duchowni nie mają powodów do optymizmu. Polsat. 05.04.2025. URL: <https://www.polsatnews.pl/wiadomosc/2025-04-05/polacy-ocenili-kosciol-duchowni-nie-maja-powodow-do-optimizmu/> (дата обращения: 25.07.2025)

использовавшееся Вильнюсом для продвижения «демократических реформ» в Республике Беларусь, в ближайшее время будет затруднено. Потенциально возможной представляется постепенная переориентация исторической идентичности на политические традиции межвоенной литовской государственности, особенно с учетом роста националистических настроений и риторики об исторических связях с Германией на фоне подготовки размещения немецкой бригады в Литве.

Все большее значение в конструировании национальной идентичности приобретает возвращение к «языческим корням» и распространение культовых практик неоязычества, реализуемых в праздновании дня летнего солнцестояния во всех трех странах на госуровне, «Праздниках песни и танца», реконструирующих национальную мифологию и т.п. Отчасти популярность неоязычества связана с проявлениями общего кризиса христианской культуры при сохранении религиозного и в определенной степени даже магического мышления населения. При этом оно получает достаточно заметное распространение в современной прибалтийской культуре – обращение к «языческим традициям» популярно как в музыке, так и в кинематографе.

Популяризация неоязычества проходит при поддержке властей и получает все больше сторонников – учение движения «диевтуриба», использующего арийскую мифологию, около 30% латышей, согласно опросам, считают настоящей «латышской религией»⁴.

⁴ Nastevics U. Latvian religion - Dievturība? Reliģiski-filozofiski raksti, XXIV, 2018. Pp. 82-104.

⁵ 11 lipca Narodowy Dzień Pamięci o Polakach – Ofiarach Ludobójstwa dokonanego przez OUN i UPA na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej Polskiej. Instytut Pamięci Narodowej. 11.07.2025. URL: <https://ipn.gov.pl/pl/dla-mediow/materialy-do-pobrania/188013,11-lipca-Narodowy-Dzien-Pamieci-o-Polakach-Ofiarach-Ludobojstwa-dokonanego-przez.html> (дата обращения: 25.07.2025)

Международная и военно-политическая ситуация в Балтийском регионе

3.1. Внешняя политика стран региона: приоритеты и стратегии

Фундаментальным изменением геополитического ландшафта балто-скандинавского региона последних лет стало вступление Швеции и Финляндии в НАТО. Данное событие завершило эпоху балтийского нейтралитета, укорененного еще в XIX в.

Внешнюю политику стран региона исторически определяет разнотенденционность их интересов. Германия, как и прежде, погружена в общеевропейские задачи, Дания все более активно включается в арктическую повестку, Швеция и Финляндия видят наибольшую ценность в традиционном для них северном партнерстве, а Польша сосредоточена на задачах в центральной и восточной Европе.

Для прибалтийских стран восточное направление вновь становится важнейшим фактором, но в новой форме: теперь они сосредоточены на теме российской угрозы. В свою очередь, Россия и Белоруссия продолжают сближение в рамках Союзного государства, и теперь они более ориентированы на развитие южных и восточных векторов своей политики.

Вместе с тем подготовка к гипотетическому военному конфликту с Россией является для стран региона обоснованием их милитаризации, которая рассматривается как одна из основ дальнейшего развития. В каждом случае скрывается индивидуальный набор национальных приоритетов. Для Польши, которая является рекордсменом НАТО по доле военных расходов относительно ВВП⁶, милитаризация представляет собой шанс вывести промышленность на новый уровень, обеспечить технологический и инфраструктурный рывок. Однако для ресурсно и технологически ограниченных прибалтийских стран возможности использовать историческую ситуацию в целях развития минимальны. Для них гонка вооружений означает, с одной стороны, необходимость изыскания средств для закупки иностранных вооружений, но, с другой – она же оправдывает и субсидирование их экономик старшими партнерами.

Так или иначе, для всех стран региона его милитаризация является действенным средством повышения международной роли.

⁶ В 2025 г. военные расходы Польши составляют 4,7% ВВП, что равно 29,5% доходов бюджета.

Наибольший интерес для них представляет включенность в умеренно конфликтный сценарий, не предполагающий военного продолжения.

Особые надежды в плане вовлечения держав в дела региона возлагаются на Великобританию, ищущую после «брексита» новые региональные форматы сотрудничества в Европе, в рамках Объединенных экспедиционных сил и Северной группы НАТО, с расчетом на развитие британо-европейского оборонного взаимодействия именно в балто-скандинавском регионе. Польша, участвующая только в Северной группе, продвигает идею создания собственного формата «НАТО внутри НАТО» – системы обязательств и действий по выработке единой политики и развитию военной инфраструктуры на «восточном фланге» ЕС, где она могла бы претендовать на лидерство, имитируя его даже в рамках существующих инициатив вроде «Балтийского дозора».

Политика, выдаваемая за стремление к гарантиям безопасности, но в действительности направленная на большее вовлечение в регион внерегиональных игроков, также принимает радикальные формы. Так, польское руководство уже обращалось к США с просьбой рассмотреть размещение ядерного оружия на территории страны. Аналогично, экс-министр обороны Литвы Довиле Шакалене допускала возможность размещения французского ядерного оружия, хотя вряд ли Париж готов к такой роли. Эти заявления, скорее, направлены на пересмотр ядерного табу и сигнализирование о готовности принять оружие, чем на реалистичные планы, так как распространение программы совместных ядерных миссий НАТО на балто-скандинавские страны возможно лишь в исключительных обстоятельствах.

Прибалтийским еврокомиссарам фактически доверено озвучивать наступательную повестку, превращая «балтийский голос» в аккомпанемент общеевропейской милитаризации. При этом реальное влияние этих стран в ключевых европейских форматах ограничено, о чем красноречиво свидетельствует их неприглашение на саммиты по Украине и европейской безопасности в Париже и Лондоне в 2025 г. Позиции прибалтийских стран в ЕС осложняются не только их периферийностью, но также критическим восприятием их представителей. Прогноз для региона остается сложным. Прибалтика рискует превратиться в депрессивную зону, где НАТО будет вынуждена содержать «дорогую пустоту». Будущее относительно благополучной Польши также зависит от международных связей и финансовой поддержки ЕС. Согласно планам на 2028–2034 гг. она вновь должна стать крупнейшим получателем жизненно необходимых в условиях колоссального бюджетного дефицита европейских субсидий. Внешнеполитические приоритеты и стратегии Польши и прибалтийских стран формируются в условиях глубокой дилеммы безопасности. Милитаризация региона, движимая страхом перед Россией и поддержанная стратегией сплочения НАТО под американским руководством, не устраняет коренные противоречия. Напротив, она создает самоподдерживающуюся спираль напряженности, усугубляя экономические проблемы, подрывая долгосрочный потенциал и усиливая зависимость от внешних игроков. Ориентация на конфронтацию, как на организующий принцип внешней политики, и отсутствие позитивных объединяющих проектов, оставляют регион в состоянии конфликтной взаимозависимости, где силовые решения лишь маскируют, но не решают фундаментальные проблемы безопасности и развития.

3.2. Правовые проблемы осуществления хозяйственной деятельности на Балтике

Балтийский регион становится площадкой, на которой отрабатываются новые «модели поведения», которые затем могут быть распространены на другие акватории Мирового океана. Они могут быть востребованы для ограничения морехозяйственной деятельности⁸ отдельных государств в полузамкнутых морских регионах, в нашем случае – Российской Федерации, а потенциально – и других, включая КНР. Иными словами, речь идет о введении своеобразных «морских санкций», которые бы выходили за рамки действующих норм международного (в т.ч. морского) права и, прежде всего Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. При этом часто используется риторика защиты морской среды и биоразнообразия, которая якобы должна стоять выше предписанных Конвенцией 1982 г. норм и положений.

Страны ЕС ведут борьбу с так называемым «теневым флотом», апеллируя к тому, что он состоит преимущественно из танкеров возрастом 15–20 лет, что якобы представляет потенциальную угрозу для морской среды. Особый акцент делается на проверке адекватного страхования ответственности за возможное загрязнение.

Экологическая риторика используется для ограничения, а потенциально и запрета, на такой вид деятельности за пределами зон суверенитета прибрежных государств (это – открытое море и 200-мильная исключительная экономическая зона (ИЭЗ)), как перевалка энергоресурсов с танкера на танкер.

Страны ЕС настаивают на необходимости уведомления о такого рода перевалке, хотя

в пределах ИЭЗ должна действовать абсолютная свобода судоходства, такая же как в открытом море, а также запрещают им заходы в свои порты в противном случае.

ЕС пытается склонить припроливные государства – Данию и Швецию – ограничить проход таких танкеров через балтийские проливы. Их правовой режим основан на соответствующих положениях

Копенгагенского трактата 1857 г., в которых также прописана абсолютная свобода торгового судоходства, и они выведены из-под действия Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Понимая, что ущемление существующего режима будет прямым его нарушением, Дания и Швеция обращаются к правовой казуистике: Трактат 1857 г. предполагает, что никакое судно не может быть подвергнуто задержанию или остановке при *проходе* (выделено нами) через проливы, что якобы предполагает возможность их проверки (технического состояния и соблюдения экологических норм), а потенциально и задержания или даже ареста, когда они заходят в порты этих государств или находятся на якорной стоянке (например, гавань города Скаген).

Кроме того, обосновывается необходимость запроса соответствующей информации о страховом покрытии (см. выше), а также обязательность использования лоцманской проводки, хотя в соответствии с Трактатом она должна быть доступна на добровольной основе.

За последние несколько лет в регионе Балтийского моря произошла целая серия

⁸ К таким полузамкнутым морским регионам, где у Российской Федерации в соответствии с положениями Морской доктрины существуют собственные интересы в области экономики и безопасности, относятся также Черное и Средиземное моря.

⁹ К таким видам деятельности могут быть отнесены основные свободы открытого моря – судоходства и рыболовства, а потенциально и другие – прокладки кабелей и трубопроводов, возведения искусственных островов и сооружений, проведения морских научных исследований.

инцидентов с подводными кабелями и трубопроводами. Как представляется, их целью является попытка не только предъявить обвинения в саботаже и гибридной войне России, но и пересмотреть сложившийся правовой режим, касающийся прокладки и эксплуатации подводной инфраструктуры. Последний не является пробелом в международном праве¹⁰, однако зарубежные эксперты апеллируют к тому, что он не соответствует сегодняшним реалиям, является устаревшим, не может защитить законные интересы прибрежных государств. В этой связи предлагается целый спектр действий, которые, с правовой точки зрения, носят спекулятивный характер: во-первых, распространить так называемую универсальную юрисдикцию (по аналогии борьбы с пиратством) в отношении повреждения кабелей и трубопроводов с целью иметь возможность задерживать и арестовывать любые подозреваемые суда за пределами зон суверенитета прибрежного государства (открытое море и ИЭЗ); во-вторых, формировать так называемые «зоны безопасности» над подводными кабелями и трубопроводами, что автоматически приведет к ущемлению свободы судоходства в указанных морских зонах; в-третьих, наиболее провокационное предложение предполагает, что повреждение критически важной подводной инфраструктуры, как в пределах, так и за пределами зон суверенитета прибрежного государства может привести к задействованию ст. 51 Устава ООН (право на индивидуальную или коллективную самооборону), если последней был нанесен значительный ущерб, и особенно в тех случаях, когда оно привело к гибели людей. Наконец, страны ЕС выступают за то, чтобы балтийские государства жестче отстаивали

отстаивали свои интересы в этой сфере, независимо от того, насколько их действия (например, задержание и арест подозреваемого судна) соответствуют правовым нормам. Конечной задачей такой модели поведения является инициация со стороны государства-флага арестованного судна судебного разбирательства в рамках международных судебных инстанций (это может быть как Международный Суд ООН, так и Международный Трибунал по морскому праву). Они рассчитывают на то, что в ходе рассмотрения дела будут заполнены пробелы существующего правового регулирования¹¹. И, если именно балтийские страны будут признаны потерпевшей стороной, то решение Суда и Трибунала создаст так называемый правовой прецедент и будет в дальнейшем рассматриваться как вспомогательный источник права, наделяющий их дополнительными полномочиями вне рамок действующего правового режима.

Экологическая риторика используется странами балтийского региона для потенциального давления на вылов водных биологических ресурсов (ВБР) со стороны России в морских зонах, которые находятся под ее суверенитетом (территориальное море) и юрисдикцией (ИЭЗ). Правовая абсурдность данной ситуации состоит в том, что этот вид деятельности является абсолютно легитимным; в морских зонах прибрежного государства нет свободы рыболовства, а право на вылов для других стран может быть предоставлено на взаимной (обмен квотами) или платной основе¹². Более того, в пределах ИЭЗ именно прибрежное государство (в нашем случае – Россия) обладает всеми правами по разведке, разработке и эксплуатации живых и неживых ресурсов, так называемой ресурсной юрисдикцией.

¹⁰ Еще в 1884 году была подписана соответствующая Конвенция о защите подводных телеграфных кабелей, а Конвенция по морскому праву 1982 года определила права и полномочия государств по прокладке кабелей и трубопроводов, а также ответственность исключительно государства-флага судна за их повреждение.

¹¹ Например, на сегодняшний день отсутствует единая международная конвенция, касающаяся подводных кабелей и трубопроводов.

Однако страны региона апеллируют к тезису о том, что российская сторона якобы ведет «нерациональный вылов», устанавливает квоты на него в одностороннем порядке, а в итоге – подрывает «коллективные усилия» стран ЕС по восстановлению этих ресурсов. Парадокс ситуации заключается в том, что объемы общедопустимого улова (ОДУ) по разным видам ВБР в Балтийском море всегда были основаны на рекомендациях Международного совета по исследованию моря (ИКЕС). Однако в 2022 г. ИКЕС приостановила участие России в своей работе, а 31 июля 2024 г. было подписано Постановление Правительства РФ о денонсации Конвенции ИКЕС. Страны же ЕС продолжают настаивать на том, что российская сторона обязана не только делиться информацией, но и согласовывать объемы вылова, как это было в предшествующие годы, хотя такое согласование может носить исключительно рекомендательный характер, и скорее всегда было проявлением доброй воли со стороны Российской Федерации.

В данной ситуации используется тезис о том, что условное «нерациональное использование», якобы не соответствующее тем или иным положениям концепции устойчивого развития и мерам по защите морского биоразнообразия, должно вести к определенным запретам или ограничениям в отношении конкретных государств. Данная модель уже апробирована в рамках Комиссии по сохранению морских живых ресурсов Антарктики (АНТКОМ), и вероятно будет продвигаться в отношении других морских регионов и стран.

Попытка коренного пересмотра правовых норм связана также с правом свободы транзита¹⁶. Долгое время на уровне зарубежной доктрины права существовала позиция, что свободный транзит через территорию другого государства (воздушного, железнодорожного, автомобильного) является устоявшейся нормой общего международного права, а для некоторых – даже нормой международного обычного права (так называемый международный обычай), которая должна действовать в интересах всех членов международного сообщества, а в особенности – в отношении государств, не имеющих выхода к морю (среди них, например, Белоруссия)¹⁵.

Так, еще в 1958 г. Секретариат ООН пришел к выводу, что практика государств выработала ряд принципов, имеющих отношение к транзиту: принцип свободы транзита как таковой; принцип недискриминации, независимо от происхождения и пункта назначения транзитных товаров и пассажиров; принцип, согласно которому транзитные лица и товары не должны подвергаться каким-либо обременительным формальностям; принцип, согласно которому сборы, уплачиваемые лицами и товарами, находящимися в пути, или в отношении них, должны быть такими же, как и сборы, уплачиваемые другими пользователями. Конвенция 1965 г. о транзитной торговле государств, не имеющих выхода к морю, констатировала, что:

¹² В частности, российская сторона предоставляет Белоруссии ежегодные квоты на вылов ВБР в акваториях Баренцева и Балтийского морей, а также Беринговом и Охотском морях. Так, например, для белорусской стороны в ИЭЗ России в 2025 году распределены квоты добычи (вылова) водных биоресурсов: в частности, в Балтийском море – шпрот (килька) – 900 т, сельдь балтийская (салака) – 100 т.

¹³ Конвенция ООН по морскому праву 1982 года лишь рекомендует (выделено нами – Г.П.) прибрежным государствам в полузамкнутых морях сотрудничать в области управления живыми ресурсами!

¹⁴ Концепция устойчивого развития, равно как экосистемный и предосторожный подходы не могут на сегодняшний день рассматриваться как императивные нормы международного права.

¹⁵ Наиболее серьезные обвинения в нерациональном использовании ВБР выдвигаются, в частности, в отношении КНР.

¹⁶ Свобода транзита закреплена в целой серии международных договоров и соглашений, среди которых: Версальский мирный договор 1919 г.; Барселонская конвенция о свободе транзита 1921 г.; Конвенция о судоходных водных путях 1921 г.; Конвенция о международном режиме железных дорог и транзитной передаче электроэнергии 1923 г.; Конвенции об открытом море 1958 г.; Конвенции о транзитной торговле государств, не имеющих выхода к морю 1965 г.; Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (здесь и далее – Конвенция 1982 г.).

1. Государства, не имеющие морского берега, для того чтобы пользоваться свободой морей на равных правах с прибрежными государствами, должны иметь свободный доступ к морю. Для этой цели государства, расположенные между морем и государством, не имеющим морского берега, по общему соглашению с этим последним и в соответствии с существующими международными конвенциями предоставляют: государству, не имеющему морского берега, на основе взаимности, свободный путь через свою территорию, и судам, плавающим под флагом этого государства, на условиях равенства со своими судами или судами других государств, доступ к морским портам и использованию этих портов.

2. Государства, расположенные между морем и государством, не имеющим морского берега, решают по общему соглашению с этим последним и с учетом прав прибрежного государства или государства, через территорию которого совершается транзит, а также особых условий, в которых находится государство, не имеющее морского берега, все вопросы, относящиеся к свободе транзита и равенства в пользовании портами, если такие государства не являются уже сторонами действующих международных конвенций.

Таким образом, права, например, такой страны, как Белоруссия обеспечены целой серией норм и положений различных международных соглашений, которые касаются интересов государств, не имеющих выхода к морю. Она имеет закрепленные в них возможности по использованию акватории Балтийского моря и портовых мощностей соседних государств (Польша, Литва и Латвия).

Что касается российской Калининградской области, то она является полуэксклавом, имея выход к Балтийскому морю. Это означает, что Россия может осуществлять туда самостоятельные морские перевозки. Несмотря на все вышесказанное, зарубежные эксперты обосновывают позицию допустимости ограничения транзита в условиях защиты общественного порядка или национальной безопасности. И хотя право свободы транзита не может быть запрещено в мирное время без уважительной причины, его реализация на практике напрямую связывается с необходимостью заключения соглашений об условиях реализации транзита. Такие ограничения не прописаны в международных договорах, но отсутствие практики судебных решений (прежде всего, в рамках Международного Суда ООН) по этому вопросу ведет к тому, что некоторые страны в одностороннем порядке и дискриминационным образом ограничивают это право.

Подводя итоги, необходимо отметить следующее:

Во-первых, несмотря на то, что Конвенция по морскому праву 1982 г. продолжает оставаться основным регулятором взаимоотношений между различными морепользователями, в ее рамках уже существует определенная императивность защиты морской среды, некоторые государства стремятся расширить ее экологическую направленность, в том числе придавая ее нормам превентивную ориентацию. В частности, декларируется, что прибрежное государство якобы не обязано ждать, когда произойдет загрязнение, прежде чем ему будет разрешено принять меры защиты. Это касается, прежде всего, борьбы с так называемым «теневым флотом».

Во-вторых, происходит попытка пересмотра существующих конвенционных норм, которые якобы не соответствуют текущей ситуации и неадекватно защищают интересы прибрежных государств, в частности Балтийского моря в области предотвращения инцидентов с подводной инфраструктурой, включая кабели и трубопроводы. Государства региона заинтересованы в пересмотре существующей модели, когда лишь государство флага судна, подозреваемого в инциденте, обладает исключительной юрисдикцией по возбуждению разбирательства, если оно произошло за пределами зон суверенитета прибрежного государства. Они также добиваются создания правового прецедента по задержанию и аресту таких судов в морских зонах, где это сегодня не допустимо с правовой точки зрения, с целью возможной легализации подобного рода практики через международные судебные инстанции.

В-третьих, экологизация и защита морского биоразнообразия еще в большей степени затрагивает конкретные морские районы, включая Балтийское море. Несмотря на то, что Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. лишь рекомендует государствам сотрудничать в области защиты морской среды и управления живыми ресурсами в полужамкнутых морях,

страны региона выдвигают неоправданные обвинения, в том числе в адрес России, в «нерациональном использовании» ВБР. Представляется, что целью такой политики является не только санкционное/конкурентное давление (вытеснение российской рыбопродукции с европейских рынков), но и нанесение странам, осуществляющим якобы такой вылов, репутационного урона, с последующим перенесением этой практики на другие морские регионы и государства (например, КНР).

В-четвертых, государства Балтийского региона, расширительно трактуя нормы общего и обычного международного права, пытаются ограничить законные права государств (в первую очередь, Белоруссии), не имеющих выхода к морю, на свободу транзита через свою территорию. Обосновывая такие ограничения интересами национальной безопасности и необходимостью заключения межгосударственных соглашений по условиям транзита, они не просто игнорируют интересы в области развития международной торговли, но и фактически реализуют своеобразную торговую блокаду.

3.3 Военно-политические тенденции и риски для региональной безопасности

Польша и прибалтийские республики фактически выступают авангардом НАТО в противостоянии с Россией. Они занимают высшие позиции в соотношении военных расходов с общим объемом ВВП, наращивают свои возможности, в первую очередь, за счет внешних закупок вооружений и военной техники. Вместе с тем Польша наращивает возможности национальной оборонной промышленности, и потенциально может войти во второй эшелон стран-производителей вооружений и военной техники, обеспечивая их значительную номенклатуру собственным производством,

созданным с активным использованием технологий и комплектующих зарубежного происхождения. В топ-10 стран-лидеров НАТО по доле военных расходов от ВВП входят все рассматриваемые в настоящей работе государства. Но также в числе лидеров и другие крупные игроки в пространстве Балтийского региона – Дания и Финляндия. Помимо них это США и Великобритания – внерегиональные силы, активно вовлеченные в процесс милитаризации Балтики.

Таблица 3.1. Ведущие 10 стран-членов НАТО по доле военных расходов от ВВП, 2025 г.*

#	СТРАНА	ДОЛЯ В ВВП (%)	ОБОРОННЫЕ РАСХОДЫ (МЛН ДОЛ. США, ТЕКУЩИЕ ЦЕНЫ)
1	Польша	4,48	44 314
2	Литва	4,00	3 607
3	Латвия	3,73	1 653
4	Эстония	3,38	1 504
5	Норвегия	3,35	16 490
6	Дания	3,22	14 303
7	США	3,22	980 000
8	Греция	2,85	7 673
9	Финляндия	2,77	8 587
10	Швеция	2,51	15 207

Источник: Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2025).

*данные за 2025 г. являются ожидаемыми, фактические показатели по итогам года могут несущественно отличаться.

Только две страны из этого перечня – Греция и Румыния, не относятся к анализируемому региону и слабо вовлечены в мероприятия НАТО, за исключением миссий «Балтийского воздушного патруля» и некоторых наиболее масштабных учений. Учитывая долгосрочные планы наращивания боевых возможностей,

контракты на закупку вооружений и военной техники, а также политическую риторику, можно предполагать, что названные страны по-прежнему будут составлять наиболее активно милитаризирующуюся часть альянса.

Однако расходы прибалтийских стран в абсолютных величинах не столь велики. Существенными они являются только у Польши (более 43 млрд евро в 2024 г.), тогда как, например, у трех постсоветских республик эта цифра в сумме немногим превышает 7 млрд Евро.

Среди общих для рассматриваемых стран черт в процессе милитаризации можно выделить следующее:

1. Ориентация на вне-европейских партнеров, в первую очередь на США, которые являются основным поставщиком вооружений и военной техники для Польши, Латвии, Литвы и Эстонии;

2. Заметное присутствие на рынке вооружений и военной техники Южной Кореи и Израиля, для которых военно-техническое сотрудничество со странами региона является точкой входа на европейский рынок оружия в целом;

3. Небольшая доля европейских стран-лидеров НАТО на рынке вооружений региона – Германии и Франции, которые не являются основными поставщиками ни для одной из рассматриваемых стран, кроме Литвы (в период 2019–2024 гг. Германия оказалась второй среди поставщиков оружия в эту страну, уступив первое место США);

4. Все рассматриваемые страны стремятся поддерживать обширный резервный компонент вооруженных сил и, за исключением Польши, сохраняют смешанную систему комплектования (призыв + контракт). В Польше в настоящий момент армия комплектуется на добровольной основе, однако восстановление призыва широко обсуждается и считается весьма вероятным.

Существенную роль в милитаризации региона играют США. В первую очередь это выражается расширением их присутствия в Норвегии. Здесь Соединенные Штаты

получили право пользоваться военно-морскими и авиационными базами, что позволяет им проводить операции на обширном пространстве, от Гренландии до Балтийского моря. Кроме того, соглашения с Финляндией и Швецией предоставляют Пентагону возможность развертывания своих сил на территории этих стран. Это принципиальное отличие по сравнению с периодом первой холодной войны. Напомним, тогда США не имели права постоянного базирования на территории Норвегии, ограничиваясь временными заходами в некоторые базы, а Швеция и Финляндия оставались нейтральными государствами. Теперь, с активизацией американского присутствия в Норвегии и получением права на использование баз в Швеции и Финляндии, необходимо постоянно учитывать возможность резкого наращивания американского военного присутствия в регионе.

Это потенциальное присутствие поддерживается и обеспечивается активностью США в военном и военно-техническом сотрудничестве. Помимо уже упомянутого лидерства Вашингтона в военном экспорте в страны Балтии, нужно упомянуть о том, что в ходе совместных учений отрабатывается взаимодействие вооруженных сил региона под американским командованием. Кроме того, в структуре поставок отмечаются не только системы вооружения, но и системы управления, позволяющие убрать значительную часть «трения», возникающего обычно при формировании межнациональных группировок. В частности, такие системы закупает Польша, что логично отражает ее статус как страны с наиболее крупной в регионе армией и растущее влияние в качестве одного из сильнейших в военном отношении европейских членов НАТО в целом.

3.4. Активность НАТО в регионе

Начавшийся в 2010-х гг. процесс наращивания присутствия НАТО в регионе обретает новое качество. От формирования многонациональных боевых групп батальонного формата в Литве, Латвии, Польше и Эстонии, дело переходит к формированию уже соединений уровня бригады. Так, в 2024 г. была сформирована многонациональная бригада НАТО в Латвии, а в 2025 г. Германия официально сообщила о формировании новой танковой бригады Бундесвера в Литве, которое должно завершиться в 2027 г. Нарастает также потенциал собственных армий стран региона, в первую очередь польской. Здесь характерной тенденцией является стремление к получению дальнобойного высокоточного оружия (ракетные установки HIMARS и их аналоги, оперативно-тактические ракеты ATACMS).

Рост зарубежного военного присутствия, как и наращивание численности армий стран региона, сопровождается увеличением числа и интенсивности военных учений. Так, в 2025 г. в странах региона пройдет как минимум 12 масштабных межнациональных учений, легенды которых объединены общей темой противостояния с Россией. Некоторые из них могут служить маскировкой для решения тех или иных военных задач в мирное время. Таковыми могут быть учения с задействованием сил первой постоянной группы противоминной обороны НАТО (Standing NATO Mine Countermeasures Group 1 – SNMCMG1).

Формально целью этой группы является борьба с минной угрозой, однако фактически отработка этих задач ведется параллельно с отработкой активных действий и, в частности, постановкой минных заграждений. В сочетании с закупками береговых ракетных комплексов

это позволяет говорить об угрозе возможных попыток блокады морских коммуникаций России на Балтике. Военно-политическая обстановка в регионе резко осложнилась после начала операции НАТО «Балтийский страж» (Baltic Sentry), официальная задача которой — защита подводной инфраструктуры. По факту ее цель — это обеспечение контроля торгового судоходства с целью осложнения российского морского экспорта. Эта операция резко повышает вероятность инцидентов различного рода, потенциально чреватых столкновением с применением оружия, и, как следствие, высоким риском конфликта. Учитывая вероятность провокаций со стороны прибалтийских стран, обусловленной желанием гарантировать себе получение помощи со стороны лидеров блока, риски возникновения инцидентов растут.

В воздушном пространстве стран Балтии НАТО отрабатывает как поддержку собственно прибалтийских государств, авиация которых не имеет боевого компонента, так и взаимодействие боевых подразделений других стран-членов блока. Характерной тенденцией является проведение масштабных учений ВВС стран НАТО с использованием аэродромов Швеции, Норвегии и Финляндии, в том числе с отработкой взаимодействия с силами специальных операций и стратегической авиацией США, что непосредственно угрожает позициям России в Арктике. Регулярные миссии Балтийского воздушного патруля (Baltic Air Policing) позволяют приобретать практический опыт в регионе как для управления, так и для летного состава ВВС значительной части стран НАТО. Это, в сочетании с частыми учениями, упрощает формирование мощной межнациональной воздушной группировки в регионе, в случае принятия соответствующего решения.

Заключение

Напряженная военно-политическая обстановка, рост конфронтации, трудности и противоречия социально-экономического и политического развития ряда стран Балтийского региона создают существенные долгосрочные риски для его безопасности и стабильности. Политические элиты прибалтийских государств, осознавая наличие этих рисков, все еще не готовы искать ответы на них в пересмотре внешнеполитической стратегии. К сожалению, они стремятся лишь довольствоваться самыми простыми идеологическими ответами на трудности в экономике и общественной жизни. За ростом национализма и популизма, как правило, следуют попытки обвинить восточного соседа в трудностях своей жизни. Следствием этого является рост милитаризма и противостояния в регионе.

Для значительной части политических элит прибалтийских стран такая стратегия наиболее выгодна – проще искать ответы на все трудные вопросы общества в необходимости противодействия внешней угрозе. В 1990-е – начале 2000-х гг. такие идеологические установки были удобением для молодой государственности Эстонии, Латвии и Литвы, основой легитимации для новых элит, установления их контроля над властью и собственностью. Со вступлением в ЕС и НАТО, а также ростом напряженности в отношениях между Россией и Западом, такая идеологическая основа внешнеполитической стратегии начала приносить и вполне реальные международные возможности. Статус «переднего фланга» борьбы с «русской угрозой» позволял прибалтийским столицам и отчасти – Варшаве приобрести поддержку тех сил в США, Североатлантическом Альянсе, в Евросоюзе, которые не хотели допускать роста российско-европейского экономического и политического сотрудничества, кто готов был видеть в России лишь угрозы, а не возможности.

При этом в каждой из четырех рассматриваемых в этом докладе прибалтийских стран, в особенности в Латвии и Польше, были периоды укрепления влияния политических сил, выступающих за здравый смысл, экономическую рациональность и преодоление внутреннего социально-политического раскола. Они были готовы задуматься о том, что мирное сосуществование и развитие торговых, инвестиционных и гуманитарных связей с Россией и Белоруссией может быть выгодно обществу, бизнесу, государственному бюджету, приграничным регионам. Эти политики, эксперты и бизнесмены прекрасно понимали, что в Балтийский регион, несмотря на всю его непростую историю, экономическое процветание и благоденствие приходили лишь тогда, когда отношения между странами региона начинали строиться на логике выгоды и сосуществования, а не на логике вражды. Их стремление быть дальновиднее многих соотечественников позволяло понять, что развитие экономических связей с Россией и шире, через нее – с глобальной Евразией, открывает огромные торговые и инвестиционные возможности. Однако чем хуже становились отношения между Москвой, Вашингтоном, Брюсселем и западноевропейскими столицами, тем тише звучали голоса здравого смысла в Варшаве, Риге, Вильнюсе и Таллинне, тем сильнее становился политический мейнстрим, замешанный на страхе, ненависти и националистической идеологии.

Модель развития Латвии, Литвы и Эстонии, подразумевающая опору на внешний рынок и более крупных западных партнеров, делает эти страны крайне зависимыми от международной конъюнктуры, как в экономическом, так и политическом смыслах. Вместе с тем Польша, стремясь реализовать амбиции одной из ведущих

региональных держав, тоже вносит свой, ощутимый вклад в региональную напряженность. Будучи одной из крупнейших экономик ЕС, она не оставляет попыток повысить свою значимость в рамках европейского интеграционного объединения, усиливая свои позиции в транспортной, военной и других сферах. Однако польские власти опираются при этом в первую очередь на логику военно-политического противостояния, а не на возможности, которые могут открыться в случае снижения напряженности в отношениях с Россией. В предстоящие два десятилетия успешное экономическое развитие Польши будет значительно сдерживаться отсутствием доступа на емкие и перспективные российский и белорусский рынки. Есть надежда, что именно тогда в этой стране возникнут политические силы, готовые сказать об этом вслух и пересмотреть динамику отношений с Россией и Белоруссией.

Сегодня же военно-политическая конфронтация становится нормой жизни для этой части Восточной Европы и в первую очередь для Балтики. Это приводит к жизни трансформационные процессы, которые в уже среднесрочной перспективе сформируют принципиально новый облик региона. Решения о развитии оборонного потенциала прибалтийских стран и строительства соответствующей инфраструктуры двойного и непосредственно военного назначения, о расширении возможностей транспортно-логистических систем и о размещении на их территории воинских контингентов из других стран Альянса могут лишь частично и временно решить накопившиеся проблемы. Эти меры помогут Польше, Эстонии, Латвии и Литве получить финансовые вливания в военные приготовления к противоборству с Россией и соответствующие программы помощи из Брюсселя, они дадут некоторое количество новых рабочих мест.

Именно в милитаризации сходятся все ключевые нити региональной динамики, обнажая ее двойственную, а зачастую и циничную природу. Декларируемая цель – открытая подготовка к войне против России – является ключевой. Однако для национальных правящих групп милитаризация представляет собой инструмент, позволяющий выполнить ряд не менее насущных задач. Масштабные оборонные заказы, инфраструктурные проекты двойного назначения, закупки вооружений создают гигантские потоки финансов, выводимых за рамки стандартного публичного контроля под предлогом секретности и государственной необходимости. Это формирует мощные каналы для перераспределения бюджетных средств, создает основу для колоссальной коррупции и хищений, консолидации лояльных бизнес-групп, создания новых центров влияния и купирования социального недовольства через повышение занятости. Яркий пример – активное лоббирование телекоммуникационными гигантами увеличения государственных инвестиций в «защиту» и дублирование подводных кабелей, где риторика национальной безопасности прикрывает коммерческие интересы расширения рынка. Таким образом, гонка вооружений превращается в своего рода кейнсианский проект для элит, позволяющий поддерживать экономическую активность, укреплять власть и откладывать решение фундаментальных проблем.

Крупнейшие инфраструктурные проекты, такие как «Рейл Балтика», открыто признаются экономически несостоятельными и держатся на плаву исключительно благодаря их стратегическому значению для логистики НАТО и инерции бюджетного финансирования из Брюсселя. Схожая картина наблюдается в масштабной модернизации портов и аэродромов, где коммерческая рентабельность вторична по отношению к требованию адаптировать объекты для приема войск и техники альянса. Такая модель формирует

порочный круг зависимости: внешние субсидии и военные займы создают видимость развития, но не решают структурных проблем, связанных со старением населения, падением конкурентоспособности секторов вне обороны. Экономика становится заложником безопасности, а безопасность – оправданием для экономики, неспособной к самостоятельному устойчивому росту.

Однако нарочито военный путь модернизации и трансформации прибалтийских стран приводит к выстраиванию принципиально новой модели их дальнейшего развития. Для стран региона военно-политическая конфронтация может оказаться не прямой угрозой, а жизненной необходимостью, обеспечивающей экономический рост и социальную стабильность. Такой подход несет множество рисков и не может обеспечить качественный и долгосрочный социально-экономический прогресс. Даже в случае успеха, этот путь поможет превратить Балтику еще на 20 лет в арену противостояния, а не в зону социально-экономического процветания.

Здесь и проявляется центральный парадокс, имеющий схожие черты с классической дилеммой безопасности, можно назвать его «парадоксом уязвимости». Несмотря на демонстрируемую сплоченность и агрессивную риторику, политическое и военное руководство стран региона, в особенности Польши, испытывает глубинные опасения перед реальной большой войной. Они отдают себе отчет в том, что их территории станут основным и неизбежным театром военных действий, а такие решения, как гипотетическая блокада Калининграда, приведут к роковым последствиям эскалации.

Осознание этой ситуации находит выход в стратегии «пассивной обороны»: инвестициях в инженерные заграждения, минирования пограничных зон, заболачивания местности. Это же сочетается с общим курсом на дальнейшее наращивание иностранного военного присутствия в странах региона, что объективно повышает вероятность столкновения и делает страны заложниками возможных провокаций, инициированных не их собственной волей.

Сокращение взаимодействия и нарастание милитаризации приносят всем странам-участникам долгосрочные издержки и потерянные возможности. Выбирая конфронтацию в качестве одной из основ перспективной модели развития, страны Балтийского региона не смогут решить те острые социальные, демографические, экономические проблемы, которые для них с течением времени будут ощущаться все острее. Радикализация партийных предпочтений и их смещение вправо при одновременном старении населения, низких темпах экономического роста, оттоке трудоспособного и наиболее квалифицированного молодого населения из региона в сочетании с нагнетанием чувства внешней угрозы не способны создать устойчивой базы для успешного развития.

Обращаясь к мысли одного из блистательных умов Балтики, великому немецкому философу И. Канту, хочется выразить надежду на то, что человек завтрашний будет разумнее человека современного, а страны региона смогут решить свои проблемы и выстроить взаимодействие с соседями для обеспечения своего и общего блага и развития.

Формирующийся полицентричный миропорядок проходит, пожалуй, самый напряженный этап своего развития – болезненное становление, связанное с укреплением новых центров мировой экономики, научно-технологического развития и трансформацией отношений между ними и старыми глобальными центрами. Наиболее дальновидные политики, эксперты и государственные деятели в США и некоторых странах ЕС уже начали осознавать бессмысленность дальнейшего наращивания конфронтации и связанные с ней риски прямого военного столкновения. Другие – собираются готовиться к многолетнему военному противостоянию с Россией. Если политические элиты стран Балтики, шире – большого Балто-Арктического региона, будут и дальше стремиться к тому, чтобы стать авангардом антироссийской политики ЕС и НАТО, они рискуют оказаться в арьергарде возможных новых тенденций мировой экономики и политики.

